

У СУДЬБЫ ДЕТЕЙ ИМЯ
В фильме Литвиновы Анна и Сергей
показывают, как важно иметь
имя, которое будет с тобой всю жизнь.
Именно поэтому в фильме
так много внимания уделено
именам.

Анна и Сергей Литвиновы

У судьбы другое имя

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=433222
У судьбы другое имя: Эксмо; М.; 2010
ISBN 978-5-699-44671-1

Аннотация

Сейчас у певицы Марии есть все: поклонники, гастроли, слава. Но начинала она в девяностые годы, когда любовь и дружба ценились мало – все решали деньги. Те, кто хотел сделать карьеру, считали: действовать нужно беспринципно и нагло, иначе не пробьешься. А respectableными стать еще успеем... Мария очень надеялась, что прошлое давно забыто и похоронено, однако на приеме в честь своего юбилея ее муж был убит в собственной спальне! Подозрение пало на певицу... Она догадывалась: враг оттуда, из «лихих девяностых». Он пестовал свою месть долго и тщательно, а значит, шансов спасти репутацию – и собственную жизнь – у нее немного. Мария искренне полагала – мстить ей не за что. Но, похоже, она ошибалась...

Анна Витальевна Литвинова, Сергей Витальевич Литвинов У судьбы другое имя

Девицу прислали, какую просил. Худышка, бледная, совсем юная, нос в веснушках. Испуганно стрельнула в него взглядом и потупилась.

«Не размалевана. Свежа. Волнуется. То, что надо. Будет стараться – получит хорошие чаевые», – оценил Григорий Петрович.

Покосился на охранника, стоявшего рядом. Буркнул:

– Годится. На всю ночь беру.

Ночь проституткам выгодней, чем почасовые заказы. Но эта, нет бы расцвести – только голову еще ниже склонила. Начинаящая, что ли? Правда, он сам велел прислать как можно моложе. И чтоб обязательно худенькая была. Но только проблемы ему не нужны.

– Сколько тебе лет? – строго спросил у девчонки.

– В...восемнадцать.

Естественно. Разве мог ответ быть иным?

Пришлось обращаться к охраннику:

– Точно не малолетка?

– Да не ссы, дядя, – пробасил тот. – Нормальный товар!

Григорий Петрович поморщился от грубости. Что элитное агентство, что сборище молдаванок – персонал одинаковый. Имеют наглость воображать, будто с клиентом на равных. Надо побыстрее выставить его.

– За ночь – как обычно? Десятка? – Григорий Петрович потянулся за бумажником.

– Я помещение сначала должен проверить, – предупредил охранник.

Будто с ходу не видно, что заказчик давно уже вырос из молодежных забав, когда одну девицу на пятерых заказывают...

– Смотри, только быстро.

Он уже раздевал свою жертву – пока что взглядом. Джинсы и кофточка решительно не годятся. Во что переодеть? Может быть, в школьную форму? Нет, надоело. Пусть девчонка сыграет... допустим, спортсменку. Молодую гимнасточку, целиком подпавшую под власть нового тренера. Трико, чешки и никаких, естественно, лифчиков. Да чтоб две косички заплела с розовыми бантиками.

Охранник вернулся из недр дачи. С некоторым даже удивлением произнес:

– Все чисто.

– Ты сомневался? – хмыкнул Григорий Петрович.

Он уже умирал от предвкушения сладких часов, что его ждали. Ох, веснушечки, худющая попа... Проси меня, умоляй – щадить не буду!

Поспешно протянул бодигарду две пятитысячные купюры, велел:

– Вали.

И – получил страшнейший удар ребром ладони по шее. Захрипел, осел на пол. Девушка отчаянно завизжала.

– Заткнись! – досадливо велел ей охранник.

Но та забилась в угол, выставила, будто защищаясь, ладони и продолжала пищать. И сопровождающий беззлобно, точным движением ткнул ее в солнечное сплетение. Проститутка задохнулась, осела.

Он больше не обращал на девчонку внимания. Обернулся к заказчику. А тот, в глазах ужас, пытался отползти, бормотал:

– Деньги... деньги в портфеле... я все отдам!

Но гостя деньги не интересовали.

Он взглянул на свою жертву и произнес почти сочувственно:

– Ну, здравствуй, Григорий Петрович...

Мужчина покинул дачный домик спустя час – чуть не самый счастливый в его жизни и *последний* для любителя девочек. Тот, раскормленный, сытый, вальяжный, наверняка надеялся умереть в окружении детей да внуков. Или фантазировал, как остановится его сердце в горячих молодых объятиях, на пике оргазма. И даже в страшном сне себе представить не мог, в каких мучениях наступит финал.

А подобраться к нему оказалось совсем несложно.

Спасибо, спасибо тебе, Гришаня, за то, что платную любовь предпочитал. И, осторожный волк, вызывал проститутку на затерянную в глуши съемную дачку, отпуская охрану. Жене, само собой, врал про командировки с переговорами...

Проститутка от увиденного совсем сомлела, и он просто бросил ее в коридоре. Не сомневался: когда очнется, вызывать милицию не станет – зачем ей неприятности? Просто сбежит. Еще и бумажник клиента с собой прихватит.

Охранник – настоящий ее охранник, – естественно, расскажет, что вез девицу на вызов в ближнее Подмосковье, что уже на объекте, во дворе, получил страшный удар по голове, но кто бил – не видел...

Могут, конечно, словесный портрет составить, если соседей опросят. Однако ночь темна, заборы высоки. Да если и видел его кто, что ж, пускай ищут мужчину славянской внешности и среднего роста. И безнадежно проверяют ближайшее окружение покойного.

А убивать было сладко... Ох, сладко! Когда мечтал, планировал, готовился, и представить себе не мог всех эмоций, которые его переполняют. И счастья, что захлестнет.

Игра началась.

* * *

На работе пусть горят новички. А пиар-агентство «Стимул» уже давно сделало себе имя. В клиентах – ведущие политики, звезды первой величины, столичная мэрия...

Поэтому, когда взяли заказ – раскрутить самый большой в России аквапарк, – особо париться не стали. Посчитали обычной рутинной, и ответственной на проект поставили новенькую. И продвигать решили без изысков, а по классической, давно обкатанной схеме: пара публикаций в столичных газетах, растяжки и щиты на дорогах. Ну и презентация, конечно.

Но тут в офис пожаловал генеральный директор. Был он в «Стимуле» фигурой почти мифической. Давно уже витал в высших сферах и до личного руководства агентством не снисходил. Всем заправляли два других директора – коммерческий с творческим. И вдруг большой босс требует план раскрутки того самого аквапарка!

Все наработки, конечно, забраковал. Велел бросить на проект лучшие силы. И почти в десять раз увеличил рекламный бюджет.

Сначала думали, что для любовницы шеф решил расстаться, однако вскоре выяснилось: он – соинвестор. Пять миллионов собственных долларов в строительство аквапарка вложил!

– Сказал бы сразу... – буркнул коммерческий.

И дело завертелось.

Придумали слоган: «Море в столичных джунглях».

Разработали имидж: «Здесь все, что вы хотите, и даже больше».

Зарядили прессу – с десяток московских газет и, конечно, все продвинутые глянцевого журналы.

Дизайнеры порадовали креативным, чрезвычайно эффектным макетом. Он пошел в наружку и на газетные полосы.

А презентация аквапарка должна была стать событием номер один в светской жизни столицы. Для этого, понимали в «Стимуле», совсем не обязательно вкладывать в мероприятие миллионы. Достаточно, чтоб народ прознал: будут мэр и Ксюша Собчак. Значит, и остальные автоматом подтянутся, только приглашения им пришли.

Молодежь из креативного отдела предлагала превратить презентацию в бразильский карнавал, а чтобы дресс-код был – купальники. Большой босс не согласился: «До купальников, кто захочет, сам потом разденется. Обязательно только напишите в приглашениях, что все аттракционы будут работать до последнего гостя и бесплатно».

Хозяин лез буквально во все, даже макеты приглашений лично утверждал, но, с удивлением отметили сотрудники, замечания его всегда оказывались дельными. Творческий директор даже заявил изумленно: «А не на пустом месте наш шеф миллионер...»

Босс к тому же сам придумал договориться с гаишниками: чтоб те в день карнавала для гостей отдельную полосу движения выделили. За километр от аквапарка поставить перед ней временный шлагбаум, а рядом очаровательную билетершу-мулатку, дорогу же разрисовать пальмами-кокосами-обезьянами. День субботний, на пробки повлиять не должно, зато приглашенные долго важничать будут, что ради них движение перекрывали.

В общем, постарались.

В день мероприятия генеральный подъехал в аквапарк уже к семи утра. Лично осматривал аттракционы, подбадривал сотрудников, принимался к улиткам и каракатицам, что привезли для фуршета...

А когда в аквапарке вспыхнул пожар (впоследствии ему присвоили пятую, высшую, категорию сложности), большой босс, как истинный капитан, покинул территорию последним. Прежде убедился, что подожгли помещение профессионалы и спасти его абсолютно невозможно.

* * *

«Слава, наркотики, деньги – полная ерунда. Самое главное в жизни – власть. И почему я раньше этого не понимала?...»

На нее смотрели двадцать пар глаз. Точно ей в лицо. И никто не отвлекался на шепот пальмовых ветвей, пересвист зимородков и громаду моря, притаившегося рядом. Приятно было осознавать: люди приехали за тысячи километров не ради тропиков. Не ради белоснежного песка пляжа и коктейлей в баре с видом на закат. Они прибыли сюда с единственной целью – увидеть ее.

«Двадцать человек... Уверенных в себе, при карьерах, машинах, деньгах. И все – мои! Мои, до самого донышка!»

Думала ли она хотя бы десять лет назад, что будет получать от людского поклонения столь несомненное удовольствие? И, главное, что окажется способна стать иконой? А ведь всю жизнь считала себя серой мышкой...

«С аудиторией моей подруги, конечно, не сравнить. У той – залы. Тысячи, даже десятки тысяч поклонников... Но ее власть – мимолетна. Легка, словно утренний ветерок. Моя же паства предана мне надолго. Может быть, навсегда».

Приказывать им прыгнуть со скалы она, конечно, не станет. Просто незачем. А делать на легковых деньги сам бог велел. Ну, и честолюбие тешить тоже приятно.

Сегодня утром случайно услышала, как дамочка из группы ахала:

– Инструктор наша – волшебница, честное слово!

И другая ей вторила:

– Я сюда совсем развалиной приехала, а сейчас будто двадцать лет сбросила!

Остается лишь про себя усмехнуться. Плохо они в школе учились, все ее подданные. И ищут мистику там, где ничем подобным не пахнет. Может, где-нибудь в Индии и встречаются чудеса, но только не в ее учебном центре. Она в своей практике исключительно на физиологию опирается. Задержка дыхания, даже на минуту, способна вызывать легкую гипоксию. Через девяносто секунд – уже возможен бред. Его легковерные и считают *просветлением*.

Когда-то она просто сбежала в Индию с твердым намерением забыться, спрятаться, похоронить. Себя. Свою жизнь. Надежды, чаяния, трепет. И просто от скуки занималась всем, что там модно. Хатха, кундалини, аштанга-йога, искусство медитации... Десять шагов к себе, расширить сознание, отречься от физического тела... Очень быстро поняла: никакого особого мира, куда обещают ввести, не существует. А учат ее обычные шарлатаны, которые нахватались по верхам своей индийской науки и теперь делают на глупой европейке маленький бизнес.

Но, хоть и раскусила «учителей», от уроков не отказалась. Чем еще заниматься? Читать? Думать? Курить траву? Тупо плавать, как иные пенсионеры, по несколько километров в день?

Но в йоге, в отличие от прочего, хотя бы есть драйв. Тело становится гибким, молодым, послушным. Тяжелые мысли уходят. А особое состояние ума, пресловутое просветление... Что ж, его она тоже достигла. Хотя бы поняла наконец, для чего пришла в мир. Прежде не сомневалась: ее удел скромненький – повиноваться и послушно плыть по течению. А здесь выяснилось: ровно наоборот. И она – цыпленок, безликая тень и прочие грустные эпитеты – на самом деле способна повелевать!

«Сидят, смешные... Качают энергию...»

Она мазнула взглядом по лицам апологетов. Послушная оказалась группа, ни единого скептика. Все, как один, вытянули длани, дружно уставили ладони в небо. Пытаются установить связь с солнцем.

«И как стараются, до слез на глазах! Но терпят. Верят: переломи себя, выдержи лишнюю минуту, и счастье неумолимо придет... Придет, придет, не волнуйтесь. Законы биологии. В детстве все играли в паутинку. Сжимаешь руку в кулак, крепко, до боли, и чем дольше выдерживаешь, тем ярче кайф. Всего лишь отпускаешь мышцы – а кажется, пудовый вес сбросил...»

Но подданным неинтересно знать элементарное. Им хочется верить. Им нужна связь – со вселенной, с космосом, с высшим разумом... А она – посредник. Проводник в иной, лучший мир.

Ее семинары стоили дорого, но народ платил. Еще и в очереди люди стояли! И съезжались на классы из всех уголков России.

Потому что она – единственная в своем роде. Не пыталась обратить подданных в иную веру и не требовала от них ничего (кроме оплаты семинара, естественно). А давала многое. Из великого множества техник отбирала лишь самые эффективные. И те, что приводят к быстрому результату. Учила глубокому дыханию, тому, как массировать сквозь кожу живота внутренние органы – желудок, кишечник, печень. Пара дней – и от гастрита ни следа. На некоторое время... А когда во время вечерней шавасаны лежишь на теплом после дневного солнца камне, прекрасно прогреваются суставы, снимается остеохондроз. Тоже на время.

И спортивную составляющую своих уроков подбирала умело. Ничего трудоемкого, ничего рискованного. Ей не нужно, чтобы кто-нибудь из новичков свернул себе шею, пытаясь освоить стойку на голове. Мягкая растяжка, самый минимум силовой нагрузки... Но

подданным (привыкшим к компьютерам и автомобилям) хватало. Счастливые ходили, умиротворенные, расслабленные.

Ее ученики не сомневались: она, их гуру, совершенно равнодушна к материальному. Носит, как и все здесь, свободную одежду из хлопка. Ходит по песку босиком. С удовольствием ест рис и чапатти – самые дешевые из лепешек. Живет в скромном домике на отшибе – в нем даже душа нет, зато ничто не отвлекает от медитации... И ей завидовали. И сами пытались тоже научиться получать удовольствие не от комфорта, но от тишины и исключительного вида на океан.

Она рассказывала своим ученикам, что, если немного поплутать на мотоцикле, можно отыскать множество совсем уединенных, без малейшего намека на цивилизацию, пляжей. А там – просто сидеть на влажном песке, слушать, как ворчит-волнуется океан, и смывать с себя все наносное, городское, неправильное...

Подданные, конечно, не догадывались, что после занятий их гуру уезжает вовсе не на очередной пляж. Океанские виды (как и медитация) давно уже ей надоели. И свободное время она проводила в прохладном, постройки еще прошлого века, особняке. Со всеми, естественно, удобствами, включая джакузи, вай-фай и телевизор с плазменным экраном. Арендовать жилье, даже высокого класса, в Индии стоит сущие копейки.

Счастье – жить, как тебе нравится.

Хотя мама считает ее убогой. Постоянно звонит и требует, чтобы дочь вернулась наконец из своей ссылки. Родители всегда видят лишь то, что на поверхности. Потерпела дочка крах, сбежала от проблем на край света, в нищую Индию, – значит, будет там, как все изгой, пробавляться травкой и неумолимо деградировать. А йога маму еще больше испугала. Та начала причитать: «Тебя в секту затянули, собственную веру предать заставили...»

Только при чем здесь вера? Можно подумать, она, пока в России жила, в церковь ходила. Но переубедить родителей – дело тухлое. И оправдываться за свой новый стиль жизни тоже бесполезно.

Она высылала маме собственные фотографии – в просторных, как все здесь носили, брючках «али-баба». И даже иногда деньги. Родительница, впрочем, отказывалась, говорила, что пока руки-ноги целы, сама себя прокормит.

А сама продолжала жить в красивом и нереальном мире.

Правда, не исключала, что когда-нибудь вернется в обычную жизнь.

По крайней мере, руку на пульсе всегда держала. Российских газет в Индии было не достать, но наши каналы ловились. И в Интернете она искала в первую очередь новости с родины.

Вот и сегодня: первым делом отправилась именно на российский новостной сайт. И сразу же увидела заголовок: «*Сгорел домла крупнейший в стране аквапарк*».

Информацию пока давали краткую: по предварительным данным – поджог. Произошел, по иронии судьбы, в день открытия – за несколько часов до начала пышной презентации. Пострадавших нет, однако материальный ущерб оценивается в десятки миллионов долларов. Заведено уголовное дело, виновные в поджоге устанавливаются.

И фотографии имелись: на одной – обгорелый остов, осколки, обугленный пластик пальм... А на соседней – был изображен ОН.

Ее злой гений.

Подпись гласила: «Господин Шепелев, совладелец несчастливой аквапарка».

* * *

Валя всегда считала: работать пресс-секретарем – занятие для старшекурсников. Или для совсем перзрелых дам. А человек в расцвете лет и на пике карьеры никогда не опустится

для подобной низменной должности. Пресс-секретарь – почти официант. «Поддай, принеси, выйди вон».

И надо же такому случиться – самой пришлось...

Вале было тридцать два. За плечами – столичный универ. Потрудиться успела в известном глянцево-журнале, а также в рекламных агентствах «BBDO» и «Young amp; Rubicam». С подобным резюме – любую карьеру строй. А ей пришлось в пресс-секретарши пойти. К певице Марии Первой.

Знакомые снобы, когда слышали про ее новую должность, снисходительно хмыкали. Обыватели – завидовали. А сама Валя считала, что ей повезло. Где еще найдешь свободный график при нормальной зарплате? Да и вечные ее больничные листы певица терпела. Хотя ворчала, конечно.

Валя сама ненавидела на больничном сидеть – особенно когда работы полно. Но что было делать? Сын совсем недавно пошел в детский сад. Таскал оттуда то ОРВИ, то ветрянку. А помощников нет. Родители работали, мужа не имелось.

Мария Первая, правда, обещала няню найти – чтоб оставалась с Кешкой во время хворей. Но только Валя в рабочем блокноте уже целый список составила под заголовком «Обещания звезды». В нем и личный шофер, и новый мобильный на день рождения, и много чего по мелочи – обещанного, но неисполненного. Туда же она и няню внесла.

Но на певицу не обижалась. Спасибо, что хотя бы предлагает. И вообще Мария Первая – не самая худшая в эстрадном зоопарке. Любит не женщин, не собак, а мужчин. К наркотикам не притрагивается, уже немало. Голос неплох. Да еще и «звездит» нечасто.

Великому сыну Мария Первая тоже нравилась. Лично не видел, но диск с песнями слушал охотно. И даже сам их исполнял – катал по полу свои машинки и трагическим басом завывал из репертуара работодателя-мамы: «Любовь меня ошеломила-а-а...»

Мальчик уже усвоил, что певица их обоих кормит. Игрушки, цирк, отпуск в Болгарии возможны только благодаря ей. Потому и не жаловался, когда мама возвращалась домой совсем поздно, а ему приходилось с вечно недовольной бабушкой сидеть.

К счастью (для Вали, конечно), концерты у Марии Первой происходили не очень часто. Сольник она собрать не могла, на корпоративы не соглашалась принципиально, а в сборники приглашали редко. В основном по клубам выступала – правда, всегда в хороших, и публика ломилась.

Хотя Валя считала, что ее подопечная и на стадионе не потеряется. Все при ней: и голошище, и обаяние. С Пугачевой тягаться, конечно, сложно, но Земфиру запросто бы обошла. Просто не хочет пахать, пробиваться, суетиться. Лень ей и незачем. Сама говорит: «Артист должен быть голодным. А у меня – все есть».

Тут не поспоришь: муженек у Марии Первой богатый. Особняк, машины, наряды – никаких ограничений. И на эстрадный олимп ее супруг-миллионер вознес. В пресс-портрете даже интервью имеется под заголовком: «Первый альбом мы записали на деньги моего мужа». В тусовке, правда, болтают, что пресловутый олигарх – деспот, ходок и сволочь. Но сама Мария своей помощнице на благоверного никогда не жаловалась. А жили она с супругом целую вечность – с середины девяностых.

Детей, правда, не было.

– Почему? – однажды поинтересовалась Валя.

– А, обычное дело: сначала я не хотела, потом он, – отмахнулась певица.

И тему замыла.

Вообще-то обычно бывает наоборот: сначала мужик упрямится, а потом наследников все-таки признает. (Валя сама до сих пор надеялась, что Кешкин папа одумается.)

Впрочем, Марии и без детей занятий хватает. Как ни приедешь к ней – вечно с книжкой, что очень необычно для певицы. Или отпустила садовника и сама с посадками возится. А

то усядется на балкон и шампанское потягивает. Лицо отрешенное, тело расслабленное. И явно недовольна, когда Валя ее с небес на землю возвращает, заводит разговоры про всякие низменные интервью или фотосессии.

– Устала я, – отмахивается, – отвали. К сыну своему, на маникюр, к любовнику – куда хочешь!

Но, хотя искушение серьезное, Валя ни разу не дезертировала. Всегда умудрялась вытащить певицу из странного забытья, расшевелить, разозлить даже. И Мария Первая, пусть ворчала и злилась, что ей «мозг точат», кажется, была ей благодарна. Даже однажды обмолвилась:

– Ты, Валька, лучше психотерапевта.

Наверняка тоже ходит на сеансы – как и вся московская элита.

Но уточнить-расспросить нельзя. В работе со знаменитостями – свои законы. Их надо выслушивать, а самой в монаршую жизнь не лезть. И тем более не стоит пытаться искать в их рассказах нестыковки. Сразу выгонят. Известные люди привыкли *жить в образе*. И даже дома ведут себя словно на сцене.

Интересно, кстати, как сегодня ее Мария Первая встретит?

День тяжелый, понедельник. А после выходных певица всегда не в духе. То ли слишком много за субботу с воскресеньем общения с мужем, то ли слишком мало...

Валя вырулила на Новую Ригу и в который раз порадовалась. Есть, есть ощутимые плюсы и в ее несолидной должности! Хотя бы в пробках стоять не приходится. Встречные полосы (те, что на Москву) встали намертво. А она на своей старенькой «Хонде» летит, аки птичка.

Валя мысленно прокрутила в голове планы на неделю: один концерт, два интервью, запись на телевидении. Негусто. Запросто можно и отгульчик выпросить. Зато в субботу – день рождения супруга Марии. Тот затеял прием на пятьдесят человек. Готовить, естественно, будут повара, обслуживать – официантки из службы кетеринга.

– Но все равно кошмар! – страдала певица. – Вот скажи: куда такую толпу рассаживать? Я посадочные места пересчитала: только сорок два. Просто голова кругом...

Любила иногда Мария напустить на себя жалобный вид, прикинуться беспомощной, не приспособленной к жизни.

Но Валя прекрасно понимала: певица просто играет очередную свою роль. И обещала помочь, ей несложно. А Кешка с бабушкой посидит. Да и любопытно будет посмотреть, что за народ соберется. Кто знает, может, среди пятидесяти гостей окажется хотя бы один симпатичный холостяк?

Кешка, правда, уже заявил, что «нового папы ему не нужно». Но вдруг новый знакомый понравится и сыну тоже?

«Стоп. Размечталась! – оборвала себя Валя. – Даже если и будет богатый холостяк – на меня он даже не посмотрит. Я для них всех – персонал, прислуга...»

К тому же внешность у нее... Таких, как она, тактично именуют миловидными. Да и морщинка на переносице уже появилась.

Зазвонил телефон. И ровно в сей момент ее взялся обгонять чахлый «Хёндай». Так подрезал, что еле успела увернуться. Чуть не уронила мобильник, случайно нажала на кнопку громкой связи. Хам на «корейце» победно унесся прочь, а машину заполнил голос Ленки, бывшей однокурсницы:

– Валюха, привет!

Валя показала нахалу на «Хёндае» средний палец – самой приятно, а тот все равно уже умчался, не увидит – и подпустила в свой голос максимум благожелательности:

– Ой, Леночка, здравствуй!

Когда учились вместе, с толстой и нудной Ленкой она почти не общалась, а сейчас приходилось. Потому что работала та редактором на центральном канале.

– Как жизнь, как дитё? – Однокурсница решила выдержать политес.

– Как всегда. Жизнь – в заботах, дитё – в соплях, – отмахнулась Валя. – А у тебя?

– А у меня вообще жизни нет, – с готовностью откликнулась Ленка. – Новый проект готовим, скоро ночевать на работе буду.

– Что за проект? – заинтересовалась Валентина.

– Очередной остров необитаемый. Две команды, в одной звезды, в другой обычный народ. Кстати. Можешь свою мымру на кастинг прислать.

– Марию Первую? На необитаемый остров? – Валентина задумалась.

Для имиджа – ход гениальный. Рейтинг сразу взлетит, даже если певицу выгонят в первом туре. Вот только лет-то ей уже к сорока. И спортом она, кажется, сроду не занималась. Да и не согласится, наверное, бросать свой уютный особняк и перебираться, пусть на время, в палатку...

– Короче, если хочет, пусть быстрее звонит, – поторопила подруга. – Мария твоя в приоритетном списке, но кандидатов валом, папики молоденьких певичек стаями ведут.

– Спасибо тебе огромное, – тепло поблагодарила Валя.

И мысленно поставила галочку: надо будет Ленке хороший подарок сделать. Независимо от того, поедет ли Мария Первая на необитаемый остров.

Но как бы подопечную уговорить?

Обрабатывать певицу *с порога* Валя не стала. Как можно нейтральнее поинтересовалась:

– Как прошли выходные?

– А, обычный дурдом, – откликнулась Мария Первая небрежно.

И всем своим видом дала понять: тема исчерпана.

Прежде Валя никогда бы не стала задавать уточняющие вопросы, но сегодня попробовала:

– Гости были?

– С ума сошла? – возмутилась певица. – Гостей мне в будущую субботу хватит!

Внутренне содрогаясь от собственного нахальства, Валентина решила идти до конца и подмигнула:

– Значит, свекровь заезжала.

Надо же, а ведь пробила-таки броню – певица расхохоталась.

– Нет, еще хуже. Я блины пекла. Сама. Прислуга-то на выходные уходит.

Да уж, сложно представить миниатюрную, возвышенную Марию Первую на жаркой кухне в фартуке, со сковородкой...

– Вкусные получились? – улыбнулась Валя.

– Первые три сгорели. А потом – ничего, муж хвалил.

Впервые у них разговор не о делах – просто о жизни.

– Никогда бы не подумала, что вы готовить умеете, – честно призналась пресс-секретарь.

– А я и не умею! – весело сообщила Мария Первая. И, с плохо скрываемой досадой, добавила: – Но на мужа иногда нападает: надоели ему, видите ли, рестораны.

– С понедельника по пятницу у вас повар. Мог бы его попросить. – Валентина пожалала плечами.

– Только жене приказывать приятней, – сардонически улыбнулась певица.

М-да, похоже, не врут в тусовке. Супруг у нее – тот еще фрукт. Кажется, предложение от центрального канала сейчас будет очень в струю...

И Валя тоном заговорщика произнесла:

– У вас есть отличный шанс ему отомстить.

Мария Первая взглянула на нее удивленно. Тогда Валентина без тени смущения предложила:

– Сбегите на необитаемый остров! На недельку-другую!

– Куда?!

– Ну, я точно не знаю. На Карибы, наверное. Или на Мальдивы.

Встретила еще один изумленный взгляд и наконец рассказала о новом проекте телеканала.

Певица сразу поникла. Грустно произнесла:

– Ничего не получится.

– Бойтесь проиграть? – подначила Валентина.

– Не в том дело...

Мария, кажется, хотела добавить что-то еще, но осеклась. И вдруг голос ее заledenел:

– Я никогда не соглашаюсь на подобные поездки. Что ты, мой пресс-секретарь, прекрасно знаешь.

Говорить о мгновенном увеличении популярности, о росте гонораров, Валя знала, бесполезно. Но зайти с другой стороны она все-таки попробовала:

– А ведь это, помимо прочего, отличное приключение! Неужели вам не надоело вечно взаперти сидеть?

– С чего ты взяла, что я сижу взаперти? – надменно вскинула брови звезда.

– Ну... мне почему-то показалось... – протянула Валя.

А Мария строго велела:

– Все, милая, разговор закончен. Какие у нас планы на сегодня?

* * *

Про других приглашенных Валя не знала, но сама она на именинника только злилась. Мало того что Мария Первая у нее законный выходной отобрала, так еще и проблема нарисовалась: что можно подарить человеку, у которого все есть?

Валентина просто голову себе сломала. Даже у сына спросила – тот, пусть и малец, а иногда дельные советы давал.

И сейчас подсказал грамотно:

– Машинку купи хорошую. Например, «БМВ» последней модели.

– На новую «БМВ» у нас денег не хватит, – вздохнула Валя. – Сами на «Хонде» ездим.

Кешка призадумался. И быстро выдал еще одну идею:

– Тогда не новую купи, а антиквар... Старую, короче.

«А что, было бы стильно ржавую „копейку“ за триста долларов приобрести и пригнать. Вот вам необычный подарок: воспоминание о босоногой молодости!»

Только как бы Мария Первая не уволила ее за подобную шуточку...

– А кроме машины, что еще посоветуешь? – улыбнулась сыну.

Но тот уже устал. Отмахнулся от матери. Выпалил:

– Бутылку купи. Мужчинам всегда бутылки дарят.

И убежал играть.

А Валя кинулась в Интернет. Кешка, сам того не ведая, подал ей отличную идею. Антикварные предметы мебели и интерьера ее бюджет явно не потянет, а вот если, допустим, найти арманьяк или вино урожая того же года, когда именинник появился на свет... Будет эффектно.

С подарком решили. Теперь – как одеться?

Вечернее платье у Валентины имелось – сохранилось еще с *додетских*, беспечных, времен. Уже четыре года бесцельным грузом висит в шкафу, ведь после того как забеременела, на светских мероприятиях не бывала. «Наверняка выцвело. Или моль его поела. Да и поправилась я – не втиснусь...»

Но все равно пошла примерять. И вот они, свойства дорогой вещи! Платье – будто только из магазина. Цвет по-прежнему яркий, ткань эффектно облегает фигуру, красивыми волнами падает на пол да еще и милостиво скрывает излишки на животе и бедрах – Валя себе сразу стройнее показалась, изящнее.

«С самой Марией Первой состязаться могу!» – весело подумала она. Та, конечно, красotka, и одевается дороже, и аудиторию, в силу профессии, держать умеет прекрасно. Зато Валентина – на семь лет моложе. И, в отличие от певицы, деспота-мужа у нее нет. А самостоятельность женщину тоже красит.

Правда, соревноваться с начальницей – ничего глупей не придумаешь. Вслух ничего не скажет, но зло затаит. Да и потом, певица ее вовсе не праздновать пригласила – помогать. Например, гостей рассаживать. И наверняка еще тысячу мелких поручений придумает. Как их все выполнять, когда платье в пол и, естественно, каблуки?

Валя со вздохом вернула наряд обратно в шкаф. Не будет она выделяться. Шелковые темно-синие брючки и белый топик – тоже очень нарядно, а главное, к месту. И обуться можно в туфли на плоском ходу.

Начальница попросила ее приехать как можно раньше, и по пути в особняк Валя угодила в субботнюю дачную «пробку». Сновала меж скромных машин (почти в каждой на задней полочке – коробки с рассадой) и удивлялась: чем столь мил людям дачный уют? Ладно Мария Первая – круглый год живет за городом, иногда, в охотку, возится с цветами, а все прочие хозяйственные вопросы решает прислуга. Но ютиться на шести сотках? И посещать их лишь по выходным? Туда – плетешься, обратно – тоже. И там целый день гнешь спину в огороде. Хорош отдых!

Сама она никогда о даче даже не думала. Жаркими летними днями и в парке хорошо. Или в кинотеатре с кондиционером.

Валя снисходительно взглянула на потного доходягу за рулем старого «москвичонка». Все окна распахнуты, рядом восседает недовольная дама (по виду теща), на заднем сиденье усталая жена воюет с орущими детьми. И, конечно, рассада. Семейное, блин, счастье...

Но людям нравится – шоссе забито под завязку.

И тут вдруг Валентину осенило: гостей в доме певицы ожидается пятьдесят человек. Даже если все – семейные пары, минимум двадцать пять машин будет. А куда их размещать? Во двор не больше десяти влезет, и то если хозяйские тюльпаны помять. Ну, еще пяток можно выстроить у забора. Вот в Голливуде на приемах всегда специальный человек присутствует, парковщик, который отгоняет автомобили гостей на стоянку. Однако в их поселке стоянки никакой нет.

Надо будет прямо с порога Марию Первую озадачить. Только бы на певицу сегодня *сплин* не напал. А то с ней бывает, всегда некстати: «Ах, я выше всей вашей муравьиной суеты...»

Но повезло: хозяйка была настроена по-деловому. Встретила ее босиком, в майке и джинсовых шортиках, открывавших неплохие ноги. Весело проинформировала:

– Я итоговую ревизию стульев провожу.

Мебель Мария Первая вместе с Валею заказали по Интернету, и доставить ее должны были вчера вечером.

– А где именинник?

– В кабинете.

Валя бережно поставила на козетку коробку, где в мягких стружках покоилась бутылка с «антикварным» вином.

Мария бросила равнодушный взгляд на нее, махнула рукой в недра дома:

– Я в гостиной специальный стол для подарков поставила. Положи туда.

То есть хозяин даже и не узнает, кто ему старинное вино презентовал? А Валя-то старалась: ездила в магазинчик на другой край Москвы, долго обсуждала с продавцом, что будет эффектней – напиток возраста именинника или чтобы он был разлит в бутылки именно в год его рождения.

«Нет уж, дудки! Сама ему подарю», – решила про себя Валентина.

А до поры, чтоб не нервировать хозяйку, покорно водрузила свой подарок на общий стол. И спросила Марию:

– Вы продумали, куда гости будут свои машины ставить?

– Конечно, – отмахнулась она, – кто первый приедет, у нас. Остальные – у соседей. Договорилась уже.

«И чего было ныть: „Я, когда многолюдный прием, всегда теряюсь“, – усмехнулась про себя Валя. – Может ведь все организовать, когда захочет! И меня наверняка позвала не для помощи, а для понтов. Будет всем гостям эдак небрежненько представлять: „Мой пресс-секретарь“. Или вообще: „Моя секретарша“. М-да...»

Настроение у Вали испортилось. Еще вспомнила, как Кешка плакал, не хотел ее отпускать.

А Мария Первая – наоборот, счастливая, будто день рождения не у мужа, а у нее самой. Причем только восемнадцать исполнилось.

Улыбается, щебечет:

– Ко мне сейчас косметолог приедет. А потом парикмахер. Платье я сегодня решила надеть в деревенском стиле: до колен, с цветочками!

«Хороша бы я была рядом с ней – в своем вечернем!» – похвалила себя за выбор туалета Валя.

И тоном вышколенной служанки произнесла:

– А мне чем заняться?

– Как чем? – вскинула брови певица. – Народу постороннего полный дом – распоряжайся всеми. И следи, чтоб серебряные ложечки не воровали!

Расхоталась и упорхнула на второй этаж.

Хороша задача: командовать и следить. Только осуществить ее сложно.

Валентина заглянула на кухню: трое поваров у плиты, и еще двое овощи нарезают, все явно при деле. В столовой хмурые женщины в одинаковых форменных платьях накрывают на стол. Девушка сунулась к ним:

– Салфеток хватает?

– Мы свои привезли, – сквозь зубы ответила одна из сотрудниц.

А менеджер, вертлявый юноша, заверил:

– Да вы не волнуйтесь, мы свое дело знаем! Точно к пяти стол будет накрыт, все блюда готовы.

Обычно, когда к самой гости приходили, Валя проверяла, хватит ли на всех тапочек. Но здесь, у богатеев, переобуваться не просят. И свежие полотенца в туалете вешать не надо: в диспенсере – одноразовые салфетки, горничные позаботились. Интересно, кто-нибудь цветы имениннику подарит? В ее кругах, если к мужчине в гости идут, такими вещами себе голову не морочат, но олигарху наверняка презентуют какой-нибудь специально созданный флористом «букет для джентльмена». Надо на всякий случай вазы приготовить.

Валя достала несколько емкостей, наполнила их водой, водрузила на стол для подарков. И тут из столовой донесся звон упавшей посуды... и сразу же яростный рык:

– Ка-ррова!

Вошла и увидела: пожилая, лет к шестидесяти, женщина с трудом наклоняется, чтобы поднять с пола вилку. А холеный молодой человек нависает над ней и тявкает наглой собачкой:

– Откуда у тебя руки растут? Уволю к черту!

Валя перехватила взгляд несчастной женщины: породистое лицо, умные глаза. Явно она когда-то уважаемым специалистом была. Врачом. Научным сотрудником. Институтским преподавателем. А на старости лет приходится быть на чужих банкетах прислугой...

Девушка решительно двинулась к ним со словами:

– Ничего страшного не случилось.

Менеджер метнул на нее досадливый взгляд, но разнос прекратил. Сухо велел своей подчиненной:

– Вымой и принеси обратно.

А когда та отошла, принялся жаловаться:

– Набрали одних старух... Еле шевелятся. Да еще и каждая с гонором, слова ей не скажи!

– Взяли бы молодых, – пожала плечами Валентина.

– Да кто ж пойдет на нашу зарплату? – развел руками шустряк. – Одни узбечки звонят.

– А чем плохи узбечки? – удивилась девушка.

– Моя б воля – только их бы и брал, – кивнул молодой человек. – Исполнительны и неприхотливы. Да заказчики не хотят. Требуют: чтоб весь персонал – славянской внешности. Брезгают.

– Сложная у вас работа, – равнодушно посочувствовала Валя.

– И не говорите! – охотно откликнулся собеседник.

И коршуном бросился на новую жертву – женщину тоже интеллигентного вида и сильно в годах:

– Куда, куда ты нож *ложишь*, деревня? Сколько учил: маленький, для закусок, ближе к тарелке!

«Сам ты натуральный колхоз!» – едва не вырвалось у Валентины.

До того ей вдруг жаль стало пожилых, когда-то успешных в своих профессиях женщин, что отданы сейчас во власть юного безграмотного хама...

Резко повернулась и вышла из столовой: хваткий менеджер здесь и без ее помощи справится.

В гостиной застала хозяина, господина Шепелева. Тот как раз подле стола для подарков стоял.

И Валя, мгновенно позабыв недавнюю грусть, ринулась к нему:

– Здравствуйте! С днем рождения! Здоровья, счастья, любви! – Протянула ему свою коробку: – Здесь вино того же года рождения, что и вы!

Похоже, переборщила с напором – олигарх явно опешил. Мельком взглянул на этикетку, что украшала коробку с подарком. С еле уловимым презрением в голосе пробормотал:

– О, Массандра... Спасибо, э...

По лицу пробежала тень – мужчина явно забыл ее имя.

– Валя, – подсказала девушка.

– Да, Валя. Я как раз хотел вам кое-что сказать... Пожалуйста, больше не надо, – брови мужчины сдвинулись к переносице, в голосе зазвучала сталь, – предлагать моей жене поездок на необитаемый остров.

Вот дикарь! Нашел, о чем в собственный день рождения говорить! Но поддержать беседу придется.

И Валентина вкрадчиво произнесла:

– Но почему вы не хотите, чтобы Мария поехала? Для пиара полезно чрезвычайно. Многие большие деньги платят, чтоб попасть. И как сразу популярность возрастет! Артистка Макарова после «Жестоких игр», например...

Шепелев перебил:

– Нам с женой популярности хватает.

«Нам с женой...» Ты-то здесь при чем?» – возмутилась про себя девушка.

– И уезжать из дома дольше, чем на три дня, моя супруга не будет, – твердо закончил олигарх.

Вот мерзкая личность! Как его Мария терпит? Неужели только из-за денег? Но ведь и сама хорошо зарабатывает. Концерт в ночном клубе – десять тысяч долларов чистыми. Да и с дисков непиратских проценты каплют.

Или она мужу кредит до сих пор выплачивает – за тот самый первый альбом, что записали на его деньги?

«Все равно Марию подбивать буду, чтоб взбунтовалась, – решила про себя Валя. – Хватит уже той сидеть в золотой клетке! Да и Шепелева надо позлить...»

Девушку глубоко задело, что богач столь равнодушно воспринял ее презент.

Она взглянула на часы: скоро гости начнут съезжаться, и тетеньки из службы кетеринга мечутся совсем уж лихорадочно, будто молодые. А хозяйка до сих пор прихорашивается. Поневоле позавидуешь. Сама Валя, когда гостей к себе домой приглашает, к их приходу всегда с ног от усталости уже валится. Пока чистоту наведешь, еды наготовишь, на стол накроешь... Уже не веселиться хочется, а спокойно отдохнуть на диване. Тут же мечта любой женщины: свалила всю подготовку на чужие плечи и являешься перед гостями прекрасная, точно королева.

Мария Первая выпорхнула из своего будуара – хорошенькая, свеженькая, очень юная. Волосы – будто сами собою выются, и румянец совершенно естественный. Бросилась к Валентине:

– Беги быстрее на второй этаж. Я договорилась: тебе тоже лицо нарисуют.

Сама Валя решила, что едет практически на работу, а потому накрасилась утром минимально. И сейчас стала отнекиваться:

– Да ладно, зачем...

Однако певица подтолкнула ее в спину:

– Иди, иди. Тебя и косметолог, и парикмахер – оба ждут.

Упираться дальше было бы глупо. И Валя, пока спешила наверх, в хозяйские покои, растроганно подумала: «Нормальная она баба, Мария...»

На втором этаже особняка Шепелева Валентина прежде не бывала. Поднялась по лестнице и растерялась: куда идти? В просторный холл выходят несколько дверей. Все затворены. Начнешь наугад открывать – и вломишься еще прямоком во владения злюки-мужа. Или его кабинет выше, на третьем этаже?

Девушка осторожно заглянула в первую из комнат. Спальня. Просторная, светлая, шторы сдвинуты, окно распахнуто. На туалетном столике небрежно разбросаны, лучатся солнечными искрами драгоценности. Очень в стиле Марии Первой: вывалить свои сокровища, выбрать одно-два, а остальные даже обратно в шкатулку не засунуть, не то что в сейф.

«Может, ей и нужен именно педантичный, даже нудный муж. Чтоб без контроля совсем в разнос не пошла», – мелькнуло у Вали.

Затворила дверь, проверила следующую из комнат: библиотека. Странное сочетание строгих рядов книг и уютного, в светлых оборках, диванчика. На стеклянном столике рядом с ним – беспорядочная груда журналов, чашечка с недопитым кофе, конфетные обертки. Певица явно успела здесь побывать *после* традиционного отъезда прислуги в пятницу.

И опять никого.

Очередная комната – с плазменным телевизором на стене и музыкальным центром в углу – тоже хранила следы посещения Марии Первой (банановая шкурка и недопитый бокал на столе) и была пуста.

Лишь в четвертой (то была по виду гардеробная) Валя обнаружила двух похожих на женщин мужчин.

– Сонечка? – фальшиво улыбнулся ей первый.

– Валечка, – в тон ему откликнулась она.

– Ну, Машенькина помощница? – уточнил второй.

– Она самая.

– Машенька попросила вас в красавицу превратить, – оповестил первый. И немедленно заявил: – Вам длинные волосы не идут, давайте подстрижемся.

А его приятель начал вторить:

– И тени синие – неправильный цвет. Ваши глаза надо лиловым оттенять. Сейчас я вам смоки айс нарисую...

Валентина опасливо взглянула на сладкую парочку. И твердо произнесла:

– Стричься я не хочу, только укладку сделайте, если можно. И смоки айс тоже не надо.

Визажист с парикмахером переглянулись.

– Скучна, как и все пресс-секретари, – вынес приговор цирюльник.

А косметолог внимательно ее осмотрел и укоризненно произнес:

– Вы хотя бы дома за лицом ухаживаете?

– Почти нет. Мне некогда, ребенок маленький, – отмахнулась Валя.

– И очень зря. Подтяжки потом дороже обойдутся, – пригвоздил ухоженный, с накрашенными ресничками мужчина.

Интересно, они с Марией Первой в подобном же тоне разговаривают? Или общаются с клиентами исключительно по ранжиру?

Но все равно приятно, когда над тобой двое специалистов, явно высококлассных, увлеченно колдуют. И они пусть не в красавицу, но в очень привлекательную особу ее превратили.

Когда Валя вновь спустилась на первый этаж, оказалось, что в доме уже полно гостей, а новые все прибывают и прибывают. Шепелев с видом мученика встречал их в дверях, Мария Первая со счастливым лицом порхала по гостиной. Стол уже завален подарками, и вазы, что приготовила Валентина, пригодились – все цветами заполнены. Тетки из службы кетеринга разносили шампанское, из кухни долетали интригующие ароматы. Народ при деле – одни веселятся, другие обслуживают. А чем заняться лично ей – опять непонятно.

Валя взяла с подноса бокал шампанского (подавальщица, кажется, удивилась, что ее тоже допустили к общему торжеству) и опустилась на одинокую банкетку. Принялась разглядывать публику. Поздороваться не с кем. Даже музыкантов, с которыми Мария Первая выступает, не позвали (хотя та всегда говорила: «Ребята – члены моей семьи»). Пара лиц, правда, смутно знакомы – наверное, по телевизору видела. Но явно не звезды и не журналисты – чиновники или бизнесмены. И почти всем здесь далеко за сорок. Да еще и при женах – примерно у половины молодящиеся ровесницы, остальные привели с собой красоток-моделек.

«М-да... Где же ты, мой одинокий, завидный холостяк?!» – хмыкнула про себя Валя.

Залпом допила шампанское и двинулась к Марии Первой. Осторожно растолкала толпу, коснулась локтя:

– Помощь нужна?

– Ой, Валька! – обрадовалась певица. – Да красивая какая!

От Марии Первой уже изрядно пахло, причем не шампанским – явно успела коньячку хватануть.

Она втащила девушку в круг из нескольких человек, принялась представлять:

– Познакомьтесь! Валентина – мой пресс-секретарь, правая рука и вообще незанятый человек!

Язык у певицы слегка заплетался.

Валя кивнула в ответ на равнодушные приветствия окружающих и решительно вытаскивала певицу из толпы, шепнула той на ушко:

– Извините, что лезу... Вы со спиртным не переборщили?

Мария Первая панибратски потрепала ее по плечу.

– Ох, моя скучная Валька... – усмехнулась и подмигнула: – Да расслабься ты! Сегодня можно, я разрешаю. – Пойдем, у меня в студии коньяк припрятан...

Совсем набралась. Да что с ней такое? Всегда ведь – особенно при муже – держала себя в руках. А тут буквально за час, пока Валя отсутствовала, умудрилась до кондиции дойти.

Студия находилась в правом крыле дома, в подвале. «Пойти, что ли, туда, – задумалась Валя, – и заначку ее перепрятать?» Но за столом ведь тоже спиртное подадут. В том числе и коньяк.

– Вы чем-то расстроены? – мягко спросила Валентина.

– С чего ты взяла? – Певица расхохоталась. – Наоборот, я счастлива! Счастлива, как никогда! Сейчас еще выпьем с тобой и вместе поедем на необу... необи... необитаемый остров!

Нужно было срочно что-то делать.

Когда в ее собственной компании кто-то из девчонок перебирал, Валя всегда к ее спутнику бежала и просила присмотреть за подругой. Вариант в случае с Марией Первой совершенно неподходящий. Придется самой...

И она подхватила певицу под руку. Приказала:

– Пошли в вашу студию!

А там вместо коньяка заварила Марии крепкого чая (благо, здесь своя маленькая кухонька имелась). Та пыталась протестовать, однако Валя проявила твердость:

– Сами мне сказали: все контролировать. Вот и не мешайте. Вам еще целый вечер гостей развлекать, а вы в таком состоянии!

Певица хмуро буркнула:

– Да плевать мне на *его* гостей!

М-да... Похоже, разругалась она со своим ненаглядным в пух. Неужели из-за злосчастного острова?

И Валентина твердо произнесла:

– Плевать не плевать, а пить вы сегодня больше не будете. Нам с вами совершенно не надо, чтобы по Москве сплетни пошли, что у Шепелева жена – алкоголичка. Для всех вы – Мария Первая, идеальная и недосыгаемая. А проводите гостей – тогда и делайте, что хотите.

Девушка решительно вылила злосчастный коньяк в раковину.

– «Курвуазье»! Десятилетний! – жалобно пискнула певица.

Однако на Валентину взглянула даже с уважением. Пробормотала:

– Я смотрю, на тебя положиться можно.

– Вы сомневались? – улыбнулась пресс-секретарь.

А Мария (действие алкоголя понемногу начало проходить) посмотрела на золотые часики и деловито произнесла:

– Ладно. Я уже в порядке. Пойдем.

И далее весь вечер вела себя идеально. За столом – по глоточку потягивала шампанское, шутила, улыбалась, смеялась чужим шуткам.

Валентина со своего самого дальнего столика с удовольствием наблюдала за подопечной.

...После горячего народ потребовал передышки. Кто-то отправился во двор, иные курили в каминной. Женщины из службы кетеринга, еле передвигая ноги, собирали со столов посуду и приборы, менеджер в хамском тоне их подгонял (сам ни единой грязной тарелки на кухню не отнес). Именинник повел группу гостей на третий этаж – показывать свою коллекцию охотничьего оружия. А Вале больше всего на свете хотелось сбежать домой. И по Кешке она соскучилась, и бабушка будет ворчать. Может, отпроситься у работодателяницы? Тем более что вытрезвлять ее больше не надо – та явно взяла себя в руки.

Валя заглянула в гостиную, откуда раздавались взрывы смеха. Ага, Мария Первая царит. Наверное, анекдоты рассказывает. Когда в ударе, у нее очень смешно выходит.

Девушка начала тихонько подбираться поближе к певице, но тут в толпе раздался голос:

– Мария Николаевна! Спойте!

И остальные подхватили:

– Пожалуйста! Мы очень вас просим!

– Нет, нет, я сегодня не в голосе, – начала отмахиваться певица. И пошутила: – И вообще я только под фонограмму пою!

Но глазами уже искала инструмент. Что ж, придется помогать.

Валя подошла поближе и спросила:

– Что сыграть? «Осенний дождь»?

То была, она знала, самая любимая песня Марии из репертуара. Благодаря ей певица и стала известной – в девяносто каком-то лохматом году.

Однако Мария решительно помотала головой:

– Нет, не хочу.

На секунду задумалась и вдруг озадачила:

– А ты «Рябину» знаешь?

– Чего? – опешила Валя.

– Ну, классика. «Что стоишь, качаясь...» – досадливо объяснила певица.

– Когда-то играла... – неуверенно произнесла девушка.

В музыкальной школе Валя училась исключительно по настоянию родителей. Она тогда и подумать не могла, что полученные знания когда-нибудь ей пригодятся.

– Тогда вперед! – приказала звезда. И властно бросила в толпу: – Сейчас, подождите. Дайте настроиться.

Выждала, пока Валя вспомнит аккорды. Быстро выбрали подходящую тональность. И Мария нежно, прочувственно начала:

Что стоишь, качаясь, тонкая рябина...

«Голос вроде обычный, но до чего цепляет!» – пронеслось у Валентины.

Она искоса поглядывала на певицу: ведь ничего, ничего та не делает. Просто склонила слегка голову, прижала правую руку к груди и поет. Но люди кругом замерли – очарованные, ошеломленные.

И из других комнат подтягиваются. Муж тоже тут как тут. Но у него лицо – непроницаемое.

А Мария будто о собственной неудавшейся жизни говорит. Лучшей подружке, по секрету:

Не дано рябине к дубу перебраться,
Видно, сиротине век одной качаться...

И Валя в очередной раз подумала: цены себе Мария Первая не знает. Нельзя оставлять ее в покое. Надо шевелить, тянуть. Не то до пенсии будет в ночных клубах прозябать.

Она взяла последний аккорд. Голос певицы замер – показалось, что где-то высоко, под потолком.

Раздался гром аплодисментов.

Однако Мария, прежде чем поклониться публике, улыбнулась Вале:

– Спасибо!

И лишь потом, усталая и счастливая, начала выслушивать восторги и комплименты. Но твердо заявила, что петь больше не будет.

А когда внимание к ее персоне несколько ослабло, шепнула Вале:

– Прикрой меня на полчаса. Пойду прилягу.

– Опять коньяк? – строго спросила девушка.

– Нет-нет, что ты! – поспешно ответила Мария. И виновато добавила: – Просто устала.

Ты же знаешь: я после каждого концерта почти болею...

«Ладно. Если и выпьет – уже не страшно, вечер к закату идет», – решила Валентина.

Проводила взглядом певицу – та действительно отправилась не в другое крыло, не в студию, а вверх по лестнице. Видно, в свою спальню.

А к Вале один из гостей подкатил, улыбчивый толстячок. Спросил с придыханием:

– Вы, наверное, консерваторию заканчивали?

– Нет, только музыкальную школу, – разочаровала его девушка.

– Наверняка с отличием! – Дядечка явно вознамерился к ней подкадриться.

Но тут подошел Шепелев – и кавалера будто ветром сдуло. А олигарх хмуро спросил:

– Где Мария?

– Сейчас придет.

– Я задал вопрос: где Мария? – ожег девушку ледяной взгляд именинника.

Валя пожалала плечами:

– Она пошла немного отдохнуть.

– Куда?

– Понятия не имею. В спальню, наверное.

Бизнесмен резко отвернулся и двинул к лестнице. Сейчас, видимо, опять супруги ругаться будут...

Однако певица спустилась минут через двадцать в самом радужном настроении.

Валя поспешила к ней. И вновь учуяла непривычный запах – на сей раз от Марии табачным дымком пахивало. А ведь певица вроде не курит! Да что с ней сегодня? Хотя... Пусть делает, что хочет. Девушке все надоело смертельно. И бабушка ей обзвонилась.

– Муж вас нашел? – поинтересовалась Валя.

– Муж? Нет, – удивилась певица. И заговорщицким тоном сообщила: – Я от всех спряталась. На балконе, в библиотеке, сигаретку себе позволила.

– Без травы, я надеюсь? – улыбнулась девушка.

– Не волнуйся. Исключительно никотин, – заверила Мария.

А Валя просительным тоном произнесла:

– Можно мне уже домой...

Мария Первая вздохнула:

– Ладно, что с тобой поделать. Езжай.

– Спасибо, – просияла пресс-секретарь.

А певица секунду поколебалась – и вдруг чмокнула ее в щеку. Благодарно произнесла:

– Ты меня сегодня очень выручила.

Валентина коснулась щеки и пошутила:

– Больше умываться не буду.

– С тональным кремом спать нельзя, – рассмеялась Мария.

На том и расстались.

Прощаться с именинником и гостями Валя не стала. Тихонько выскользнула за дверь, и в лицо ей ударили последние лучи заката.

Солнце стремительно скатывалось за лес, заливая все вокруг мягким, медово-кремовым, совершенно неземным светом. Будто на сцене девушка оказалась: огромный дом – декорация, ухоженный сад – всего лишь рисунок. Мир вокруг замер, ни единого «человеческого» звука. Валентина поневоле остановилась, вдохнула пряный вечерний воздух, улыбнулась первой трели далекого соловья... Правильно написано в книжке, что она Кеше читает: «Каждый закат – единственный в жизни». И глупо жаловаться – на что угодно: на бедность, неприятности по работе, вообще на бытие, – когда есть возможность просто на секунду замереть и впитать в себя окружающую красоту.

Она сошла с крыльца, лишь когда светило окончательно скрылось за лесом. И обнаружила, что ее «Хонда» безнадежно заперта. Все гости ведь позже явились, и теперь, чтобы выехать, нужно как минимум три машины отгонять.

«Вот я овца! – ругнулась про себя Валя. – Чего стоило на улице, у забора припарковаться?»

И как выбираться теперь? Неужели возвращаться в дом и громко кричать: «Владелец автомобиля такого-то, срочно пройдите к своей машине»?

Да лучше уж на автобусе. Только предусмотрен ли общественный транспорт в столь элитном поселке?

– Проблемы? – приблизился к ней симпатичный паренек.

– Ага. – Валя кивнула на свою «Хонду». – Хочу уехать, а летать она не умеет.

Оглядела машины, перегородившие путь, и с надеждой произнесла:

– Может, получится их вытолкать?

– Грамотное решение, – похвалил собеседник. – Но есть еще проще. Например, шоферов попросить.

– Вы гений! – просияла Валентина. – А где их искать?

– Одного вы уже нашли, – парень кивнул на самую внушительную из машин, припаркованную в паре миллиметров от бампера ее «Хонды». – А остальные в беседке сидят.

Отправились туда вместе – и Валя обнаружила еще один, автономный, банкет. Здесь явно обошлись без службы кетеринга и кулинарных изысков: колбаса и сыр на полиэтилене, ломти хлеба, пакеты чипсов, апельсины вперемешку с очистками, посреди общего хаоса несколько явно домашних, приготовленных женами бутербродов. Вместо спиртного – минералка. Зато накурено тут было, будто не в открытом помещении, а в бункере. И публика – сплошь мужчины. Увидели Валю и сразу оживились.

– Добро пожаловать к нашему столу! – пригласил один.

– Не изволите ли отведать... трюфелей, фуа-гра? – пошутил другой.

Валя метнула взгляд на бестолковый, чисто мужской стол и вдруг поняла, что дико голодна. Да ведь и неудивительно! Когда закуски подавали, она хозяйку в студии вытрезвляла. Томленных в молодом вине перепелок, что принесли на горячее, есть было противно – слишком на воробьев похожи. А десерта она не дождалась.

И девушка смущенно пробормотала:

– Если только чипсов...

– Во дела! – удивился сопровождавший ее паренек. – Неужели Шепелев поляну бедную выставил?

– Да просто есть было некогда, – пожала плечами Валя. И объяснила: – Я ведь не гостья, тоже на работе была.

– И кем ты работаешь?

– Пресс-секретарем у Марии Первой.

– Ух, ты! – восхитился парень. – Автограф для меня раздобудешь?

– Не вопрос. – Валя привычным жестом достала блокнот, попросила: – Диктуй, кому что пожелать. И телефон. Будет готово – позвоню.

– А свой телефончик оставишь? – игриво поинтересовался тот.

Но ответить девушка не успела – из распахнутых окон особняка раздался оглушительный крик.

* * *

Из расшифровки протокола допроса:

– Ваше имя?

– Бахтина Валентина Валерьевна.

– Где работаете?

– Я пресс-секретарь у Марии Первой.

– Что входит в круг ваших обязанностей?

– Все контакты с прессой. Присутствую на фотосессиях и интервью. Иногда подсказываю, как лучше отвечать. Визирую готовые тексты...

– Почему вы сегодня оказались у нее в гостях?

– Мария Николаевна попросила.

– Она всегда звала вас на свои семейные торжества?

– Нет. Конечно, нет. Просто сегодня случай особый, у ее мужа юбилей...

– С юбиларом вы, кстати, были знакомы?

– Ну... шапочно. Здоровались...

– И почему вы обязательно должны были присутствовать на его дне рождения?

– Я... я помогала все организовывать.

– Организацию банкета полностью взяла на себя служба кетеринга. А в чем заключалась ваша роль?

– Да, если честно, ни в чем. Марии Николаевне просто было спокойней, когда я рядом.

– Один из свидетелей показал, что в период с семнадцати сорока пяти до половины седьмого вы с ней обе отсутствовали. Где вы находились?

– В ее студии сидели.

– Зачем?

– Мария Николаевна перебрала немного... Я ее чаем отпаивала.

– Вы утверждаете, что у Марии Первой проблемы с алкоголем?

– Ни в коем случае! Она всегда в меру пьет. А сегодня просто немного переволновалась.

– Переволновалась из-за юбилея супруга? Или у нее были иные причины?

– Может, и были. Я не знаю.

– Они ссорились с мужем?

– Понятия не имею. Понимаете, у нас с ней отношения исключительно деловые. О личном Мария Николаевна мне не рассказывает.

– А сегодня они ссорились?

– Нет.

– Нет – или вы не видели?

– Ну... не видела.

– Получается, Мария не все время на ваших глазах была?

– Нет. Где-то с двух до без пятнадцати пять она сидела в гардеробной, с ней парикмахер и визажист работали. Но вряд ли Шепелев стал туда соваться. И тем более ссориться при посторонних.

– Это единственный промежуток времени, когда вы ее не видели?

– Не понимаю, зачем вам такие детали!

- Отвечайте на вопрос.
- Да без проблем! Когда Мария Николаевна освободилась, она и мне предложила себя в порядок привести. Тоже отправила к парикмахеру с визажистом.
- Сколько вы отсутствовали?
- Примерно час. Соответственно, с шестнадцати сорока пяти до без пятнадцати шесть. Но тогда они тоже поссориться не могли – уже начали гости съезжаться.
- В котором часу Мария Первая второй раз поднялась наверх?
- Я точно не помню... Около девяти, наверное.
- А когда спустилась?
- Примерно через полчаса.
- Вы сообщили ее мужу, что она пошла в спальню.
- Я такого не говорила!
- У нас есть свидетели. Они слышали ваш разговор.
- И все равно! Я говорила Шепелеву, что его жена Мария пошла прилечь. И предположила, что в спальню. Но там она не была.
- С чего вы взяли?
- Потому что по возвращении от нее табаком пахло. Вряд ли она в спальне курила. Мария Николаевна сказала, что на балконе сидела в библиотеке.
- Мы его осмотрели. Пепельница пуста. Следов пепла нет. Окурка под балконом – тоже.
- Я ж вам объясняю: она не хотела, чтобы муж знал! Поэтому, наверное, пепельницу вымыла. А окурки выбросила куда подальше. В унитаз, скорей всего.
- Почему вы ее все время защищаете?
- Да потому, что не убивала она! Я точно знаю!

* * *

Хотя Валя совсем не была уверена.
Слишком уж много в одной точке сошлось.
Никогда она не забудет, как, повинувшись пронзительному женскому крику, бросилась в дом. Распахнула дверь, промчалась по коридору. И – встретила взглядом с Марией Первой. Та стояла на верхней ступеньке лестницы. Рукава ее эффектного, в деревенском стиле, платья были в крови. Губы тряслись, и певица лихорадочно, словно заведенная, выкрикала:
– Он мертвый! Мертвый!
А публика столпилась внизу, у лестницы, и внимала звезде в полном молчании.
Валентина, повинувшись общей тягостной ауре, тоже словно к полу приросла. Ни двинуться, ни слова произнести не могла.
Но тут зловещую тишину прервал недоверчивый голос:
– Кто мертвый?
Мария судорожно выдохнула:
– Мой муж.
И зрительный зал мгновенно взорвался, заохал, заговорил разом.
А Валентина справилась со ступором, бросилась к хозяйке. Но подняться успела от силы на пару ступенек. Ее оборвал грубый голос:
– Стоять!
Испугалась. Замерла. Оглянулась: командует смешной толстячок. Тот, кто спрашивал, не училась ли она в консерватории. Сейчас от его хмельной расслабленности и следа не осталось. Стоит серьезный, сосредоточенный. И авторитетно кивает ей:

– Обратно, обратно, милочка. А вы, Мария Николаевна, сюда спускайтесь. И расскажите нам – нам всем, – что случилось.

Певица взглянула на него недоуменно. Однако покорно выполнила приказ – сошла с лестницы. Пробормотала:

– А что рассказывать? Я... я удивилась, что моего мужа долго нет. И пошла его искать. А он в спальне... мертвый. Там столько крови!

Ее губы вновь дрогнули. По щеке поползла слезинка. А новоявленный следователь констатировал:

– Значит, смерть насильственная. – И деловито поинтересовался: – Как убит?

– Но... ножом. В грудь.

И тут в разговор вмешался еще один мужчина. За столом, вспомнила Валя, он сидел на почетном месте – справа от Шепелева. Видно, друг. Или особо приближенный.

Он выкрикнул:

– Но вы в спальне вместе были!

– Я не была там! – истерически взвизгнула Мария Первая.

– Не ври, я сам слышал! Примерно час назад Шепелев спросил, где ты. А эта, – мужчина указал на Валю, – сказала, что в спальне! Он и отправился за тобой...

– Тихо! – рявкнул толстяк. И велел: – На второй этаж никому не подниматься. Я милицию вызываю.

И, пока набирал номер и разговаривал, Валя наконец смогла пробиться к Марии Первой. Ласково коснулась ее плеча. Попросила:

– Мария Николаевна! Вы, главное, не волнуйтесь.

А певица упала ей на руки и страшно, истерически зарыдала.

До приезда милиции они успели поговорить. Мария Первая клялась, что мужа в последний раз видела, когда исполняла «Рябину». По пути в библиотеку и обратно никого на втором этаже не встретила, ничего подозрительного не увидела. А сама в спальню зашла уже *после* того, как супруг был убит. Минут через десять, как проводила Валю. Кто-то из гостей спросил, где именинник, вот и пошла его искать...

«Подумай сама! Просто глупо: убить мужа, спуститься вниз, пообщаться с гостями, поговорить с тобой, а потом снова подняться наверх и якобы обнаружить труп. Если б я от него *действительно* избавиться хотела, куда хитрее бы придумала!» – горячо шептала Мария Первая Валентине.

Логично, конечно. Да и выглядела певица, когда провожала ее домой, совершенно беззаботной. Никаких, естественно, следов крови на платье. Она, безусловно, артистка, но не настолько талантливая, чтобы подобную беспечность сыграть.

Но все равно немного странно Мария сегодня себя вела. Весь день. Вдруг напилась – быстро, да еще и на людях. Песню спела, прямо скажем, необычную. Всегда только собственный репертуар исполняет, а сегодня на народное творчество потянуло: «Видно, сиротине век одной качаться...» Очень пророчески получилось.

А то, что табаком от нее пахло, когда со второго этажа спустилась, алиби вовсе не обеспечивает. Покурить могла и после убийства. Чтоб нервы успокоить.

Но, даже если Мария Первая и убила, топить ее Валя не собиралась. Поэтому на допросе хозяйку всячески выгораживала. О ссоре между супругами – из-за поездки на необитаемый остров – упоминать не стала. Что певица не в спальне была, а на балконе в библиотеке курила – подтвердила.

Следственные действия продолжались до двух часов ночи. Валя, повинувшись молящему взгляду Марии Первой, оставалась с ней до конца. Не потому, что боялась работу потерять, – просто жаль стало певицу. Совсем та выглядела несчастной, потерянной, одинокой. Никто

из гостей даже посочувствовать не подошел. Уезжали, не прощаясь и пряча глаза, – общественное мнение Марию, кажется, приговорило.

Валя тоже была почти уверена: певицу арестуют. Или как минимум подписку о невыезде с нее возьмут.

Однако той просто велели – на словах – из Москвы с областью никуда не отлучаться. Записали все ее телефоны. И в начале третьего утра особняк опустел.

Едва последняя милицейская машина вырулила со двора, Мария судорожно схватилась за пульт: закрывать ворота.

– А я? – пискнула Валя.

– Останься тут. Пожалуйста! – Глаза Марии горели тревожным блеском.

– Нет. Не могу. Никак! – твердо произнесла девушка.

Бабуле она уже объяснила, что сложились особые обстоятельства и что приедет совсем поздно. Предложила: «Ты не жди меня, ложись!» Однако мама сердито возразила, что ночевать будет только дома, потому что на завтрашнее утро у них с подружками сауна заказана и место встречи – у нее.

Но ведь и от Марии никак не отвязаться. В глазах слезы, умоляет:

– Не бросай меня! Я... я боюсь здесь одна...

– Своего ребенка я не могу бросить, – отрезала Валентина.

А певица совсем растерялась, поникла. Пролепетала:

– Давай... давай хотя бы по рюмочке выпьем... На дорожку...

– Какая рюмочка? Я за рулем, – напомнила помощница.

И тоскливо подумала: гнев бабушки будет страшен, но все равно придется ей задержаться. Оставлять Марию в подобном состоянии после всего, что случилось, никак нельзя. И она строго спросила:

– У вас снотворное есть?

– Нет.

– А у мужа?

– Он... он, кажется, иногда пьет... – певица пока говорила о нем в настоящем времени.

– Где можно поискать?

– У него... у него в спальне.

«Ага. У вас и спальни, оказывается, отдельные», – мелькнуло у Вали.

– А где она?

– На третьем этаже. Прямо над моей. – Певица бросила опасливый взгляд в сторону лестницы и выпалила: – Только я туда не пойду!

Пришлось Валентине подниматься и искать самой. Заодно прихватила из комнаты подушку и плед. Заставила Марию Первую проглотить две таблетки. Уложила в гостиной на диване.

Кругом царил хаос. Обслуживающий персонал оговоренную контрактом уборку проигнорировал – все работники службы кетеринга сбежали, во главе с шустрым менеджером, сразу после допросов. А нарушение договора, естественно, спишут на форс-мажор.

Но певица будто и не замечала беспорядка. Вытащила из-под спины забытую кем-то пудреницу, равнодушно швырнула ее прямо на пол. Глаза испуганные, руки все время теребят то одежду, то волосы...

– Давайте кого-нибудь вызовем, спокойнее будет, – предложила Валя. – У вас родители живы?

– Н-нет, – всхлипнула Мария.

– Братья? Сестры?

– Нет.

– Друзья?

– А в чем?

Так и хотелось сказать: «Просто видеть не хочу и тебя, и дом, где человека вчера убили. А тем более сына туда тащить не желаю!»

Валентина замялась.

А певица неожиданно мягко произнесла:

– Я понимаю, что тебе не хочется. Но мне действительно нужно с тобой поговорить.

– О чем?

– Не по телефону. Но это очень, очень важно.

* * *

Все устроилось, на удивление, удачно! По крайней мере, для Иннокентия. С горничной они легко нашли общий язык – тем более та не с пустыми руками явилась. Привезла (наверняка Мария Первая приказала) целую сумку игрушек и книжки с наклейками – с ними сын мог возиться бесконечно.

Мальчик с удовольствием носился по дорожкам, обследовал особняк и даже согласился съесть на обед перепелку, оставшуюся от вчерашнего пиршества.

А Мария немедленно утатила помощницу в свой кабинет. И с ходу выпалила:

– Валя, я, кажется, догадываюсь, кто убил моего мужа.

Последовала драматическая пауза.

Пресс-секретарь напряглась.

Однако прямых обвинений не последовало – певица задумчиво произнесла:

– На первый взгляд, несомненно, убийца – один из гостей. Они ведь все ему не друзья – муж с ними просто *сотрудничал*. А с бизнесом у него в последнее время проблемы возникли. Хмурый ходил. Обмолвился однажды: под него копают, причем серьезно. Да ты и сама про пожар в аквапарке знаешь... Но кто конкретно ему вредит, муж понять не мог. Потому и юбилей пышный затеял – чтоб всех сослуживцев-партнеров под одной крышей собрать. Присмотреться к ним в неформальной обстановке.

Валя напряженно ждала. А Мария Первая вдруг улыбнулась:

– Муженек мой – хитрец еще тот. Предусмотрительный, осторожный. Всегда знал, с кем поделиться, к кому подлизаться. Я уверена: любой конфликт в бизнесе он бы, в конце концов, решил любовно. Не довел бы до ситуации, когда убивают.

– И, тем не менее, он мертв, – жестко откликнулась Валентина.

– Да, – спокойно откликнулась певица (сейчас она совсем не походила на безутешную вдову). – Поэтому я и хочу тебе кое-что рассказать. Очень давнюю историю. В девяносто четвертом все началось...

Мария взглянула в окно, где шелестели одевшиеся в первую нежную зелень березы. Потом перевела взор на Валю. Мечтательно произнесла:

– До чего красиво, когда листья только-только распустились... Еще маленькие, свежие... Вот и мы тогда были – как березы ранней весной... Совсем молодыми... наивными, наглыми... Все с тех пор изменилось. Жизнь. Мир. Мы сами. У меня – даже имя теперь другое.

* * *

1994 год, весна

– Ненавижу гаишников!

Лютик выскочила из машины, сердито грохнула дверцей.

– Утопил? – бросилась к ней Зоя.

Девушка кивнула. Постаралась презрительно улыбнуться, но в глазах блеснули слезы.

– Но почему? – растерянно пробормотала приятельница. – Ты площадку вообще гениально прошла.

– Потому что надо было в нормальную автошколу идти! Где по сто долларов собирают и права с гарантией дают! – припечатала Лютик. – А ты заладила: государственная, проверенная... там надежней... Вот и ходи теперь пешком!

Понизить голос Лютик не додумалась, хотя милицейская машина стояла рядом, а окно в ней было открыто.

Зоя опасливо покосилась на профиль экзаменатора в милицейской форме и попыталась перевести разговор:

– Мотор заглох, что ли?

– Если б заглох, еще бы ладно, не обидно, – покачала головой Лютик. – Он совсем к ерунде придрался! Представляешь: пешеход на красный полез. Я ему, естественно, подудела. А гаишник сказал, что аварийную ситуацию создала.

– А что надо было делать? – озадаченно произнесла Зоя. – Давить?

– Ждать, пока перейдет, – поморщилась Лютик. Потом покосилась на экзаменатора и повысила голос, чтобы вредный гаишник наверняка услышал: – Только в правилах ясно написано: пропустить пешехода водитель обязан, когда тот уже на дороге. А этот – только одной ногой шагнул. Подумал, наверное: машина учебная, едет медленно, проскочу...

– Ну, это точно придирка, – согласилась Зоя.

– А без денег всегда придирки будут! – сердито буркнула Лютик. – Экономика теперь рыночная, никто тебе права бесплатно не даст.

Капитан милиции (на взгляд Зои, весьма доброжелательный и симпатичный) по-прежнему сидел на пассажирском сиденье и, улыбаясь, слушал их диалог. И девушка шикнула на подругу:

– Чего ты злишь его? Сейчас договоришься: вообще никогда не сдашь!

А Лютик возмущенно закончила:

– Нет хуже, когда сначала надежду дают, а потом валят! Круговое, сказал он, прошла филигранно, у светофора – точно на стоп-линии встала. Даже дверь открывал, проверял.

– Да никто сейчас с первого раза права не получает. – Зоя, успокаивая, коснулась ее плеча. Но Лютик сердито сбросила ее руку:

– А я тебе говорю: никто не получает *бесплатно*! И автошколы устарели безнадежно. Только время на них попусту тратить! Давно бы уже купили права, как все нормальные люди!

– Слушай, остынь, а? – Подруга тоже начала закипать. – Можно подумать, у тебя деньги есть – покупать!

А Лютик обернулась к экзаменатору и сердито произнесла:

– Все равно я сдам! Не вам – так начальнику вашему!

Зоя потянула ее за рукав:

– Прекрати. Пошли отсюда!

Вечно ей приходилось укрощать строптивую подругу. Та и по гороскопу – огонь. А она, Зоя, – вода. Вот и приходилось ей работать пожарным.

Познакомились они в школе – Лютик первого сентября пришла в седьмой «Б», где училась Зоя. А прежде жила в Саратове. Потом ее отец, майор ВВС, поступил в военную академию и перевез семью в Москву, на съемную квартиру. Девочки, хотя совсем разные были, подружились сразу. А позже и в одном институте оказались. Самонадеянная Лютик, правда, сначала подала документы в университет, в престижный Институт стран Азии и Африки, но, естественно, провалилась. А Зоя сразу по своим возможностям пошла – в Институт стали и сплавов. И, когда Лютик срезалась, предложила подруге: «Давай к нам, еще успеешь». Поступили вместе – и дальше дружба потянулась. Родители Лютика к тому времени уже

квартиру получили – далеко, правда, в Мытищах, но девушки все равно часто виделись в институте. Вот и в автошколу вместе пошли.

Только теперь с правами – проблема...

Зоя неудачу почти спокойно пережила, а Лютик – до сих пор вся кипит.

– Выпей пива, охладись, – посоветовала ей подруга.

– Да ну, пиво! – возмутилась та. – Давай лучше «Грейпфрут-лимон» возьмем. С горя!

– Утром? Ликер?!

– А что такого? – ухмыльнулась Лютик. – Надо же отметить... наше с тобой триумфальное поражение.

Девушки вышли с территории МРЭО. Дошагали до автобусной остановки. Остановились у ларька.

– Так и быть, возьму «шестерку», – нашла компромисс Лютик. – Она тоже по шарам дает.

– А я – ничего, – твердо произнесла Зоя.

– Здоровый образ жизни? – хмыкнула подруга. – Смотреть на тебя скучно!

Зоя – как и все нормальные студентки – пиво, конечно, пила. Но термоядерная «шестерка», да еще и на остановке, – явный перебор. Чтоб настроение улучшилось, можно ведь и «Сникерс» съесть.

Девушки примостились на ледяной лавочке. Народу не было – автобус, видно, только что ушел.

– Эх, сейчас бы в машинку! Печка греет, музыку сделать погромче... – мечтательно произнесла Лютик. И решительно добавила: – Ладно, хватит киснуть. Прорвемся!

Зоя лишь вздохнула. Она не сомневалась: подружка не пропадет. У той и автомобиль имеется – папа обещал уверенность на «копейку». И права Лютик, несомненно, получит – со второго раза уж точно. Всего по двадцать часов они в автошколе отъездили, а та уже и передачи переключает не глядя, и дороги совсем не боится, и в горку трогается почти без проблем... Ну, почему одним везет, а другим – ни капельки?...

Впрочем, Зоя уже давно привыкла: ее кредо – лишь *оттенять*. Внешность приемлемая, но в лице – ни единой краски: светлые глаза, остренький нос, безвольные губы. Только ярким макияжем можно было к себе внимание привлечь. А Лютик ехидничала: «Ладно, разукрасишься и кого-нибудь снимешь. А потом? Что мужик скажет, когда утром рядом проснетесь?»

Да и лень – постоянно краситься. А рядом с Лютиком и бесполезно. Та без всякого мэйк-апа стабильно перетягивала на себя внимание лучших мужчин.

Зоя больше расстраивалась, что и по талантам подруге безнадежно проигрывала. Все, чего добилась, одним упорством взяла. Но никогда, ни единого раза, в жизни ее не приводили в пример. Лишь за усидчивость хвалили. Ну, и за то, что тетрадки всегда аккуратные.

Лютик, правда, тоже не звезда. И школу закончила даже хуже, чем Зоя, – с тремя тройками в аттестате. Но хотя бы могла загореться, увлечься – и тогда сворачивала горы. Как в девятом классе, когда в их школу англичане (неслыханная по тем временам вещь!) по обмену приехали. На чужеземцев из других классов целыми толпами сходились смотреть. Только нормально пообщаться, поболтать никто не умел. Даже учительница английского смущалась и путалась. Лютик с Зоей иностранного языка, как и все в школе, почти не знали. И обе попытались срочно исправить пробел. Тем более что среди заморских гостей один парнишка был – просто вылитый солист группы «Скорпионс». Подруги записались в Библиотеку иностранной литературы, все вечера просиживали над лингфонными курсами. И что? Зоя научилась английский худо-бедно *разбирать*, а Лютик – и недели не прошло! – на иностранном языке *заговорила*. Ошибка на ошибке, произношение чудовищное, однако гости

ее понимали. Особенно мальчишки. И шутили с ней, и хохотали, и даже распевали вместе – на английском, естественно, языке.

Потом, когда иностранцы уехали, Лютик занятия тут же забросила. Зоя со свойственным ей упорством продолжала ходить в библиотеку одна. Но странное дело: хотя и грамматику она знала куда лучше подруги, и словарный запас у нее богаче был, а говорила на английском Лютик все равно уверенней. По крайней мере, понимали ее иностранцы куда легче, чем Зою.

Умение себя подать – тоже талант.

Так и с автошколой получилось. Зоя ни единого занятия не пропустила, а когда вождение началось, добрый инструктор ей даже дополнительные часы выделил. Правила выучила – от зубов отскакивало. Но едва доходило до вождения – не получалось у нее ничего. Машина дергалась. Глохла. И габаритов авто девушка не чувствовала совсем.

Лютик не то что теорию – практические занятия прогуливала. Но едва – впервые в жизни! – села за руль, газанула так, что их с инструктором в кресла вдавило. Зоя (она наблюдала за опытами подруги с площадки) за голову схватилась: сейчас врежутся! Или как минимум мотор заглохнет. Однако ничего такого! Машина пусть и дергалась, но уверенно разогналась. Лихо сделала пару кругов по тренировочной площадке. И в гараж Лютик смогла заехать уже на втором занятии.

Только совсем не ценит собственных талантов подружка. Разбазаривает их попусту.

Зоя искоса взглянула на Лютика: бутылка портера, «Балтики» № 6, уже наполовину пуста. Понятно, что всего лишь пиво и повод, безусловно, имеется, но так и спиться можно. Вон, уже захмелела, глаза поплыли, голос мечтательный:

– Сегодня знак «У» сама нарисую и с папкой поговорю. Пусть меня тренирует каждый вечер.

– А мне и просить некого, – вздохнула ее подруга.

– Надо тебе парня найти, чтоб с машиной был, – посоветовала безжалостная подруга.

– Издеваешься... – беззлобно откликнулась Зоя.

Для нее, совсем в себе неуверенной, и обычный-то парень – проблема. Где ж найти такого, чтоб за руль своей машины пустил? Придется с мечтой о правах просто распрощаться. Учись, не учись... Когда боишься машины так, как она боится, наверное, и тысячи часов практики мало.

Лютик сделала из бутылки последний глоток, улыбнулась:

– Эх, сейчас бы мне за руль... Стопроцентно бы сдала! – И добавила: – Жаль, закусить нечем. Надо было хоть сухариков прихватить. Папаня вчера два противня насушил – из бородинского хлеба.

– Да уж, – согласилась Зоя. – Твоему папе давно пора из армии в отставку и фирму открыть.

– Какую еще фирму? – удивилась подруга.

– Сушил бы свои сухарики. Фасовал их, хоть в обычные пакеты. И продавал во всех ларьках как закуску. Знаешь, как разбирали бы...

– Да никто не станет их покупать! В России национальная традиция – пиво воблой заедать или сушками солеными, – возразила Лютик. И задумчиво произнесла: – Может, еще бутылочку взять?

– Нет уж, хватит с тебя, – решительно остановила ее Зоя. И попыталась отвлечь неумную: – Вон, смотри... парень у ларька... По-моему, очень даже ничего.

Лютик обернулась. И уже через секунду решительно заявила:

– Колхоз!

– Почему? – удивилась Зоя.

Юноша – не подарок судьбы, конечно. Невысокий, лицо в рябинках. Зато одет нормально – особенно по контрасту с нынешней модой носить везде и всюду спортивные костюмы. На нем обычные, пусть и китайские, джинсы, а ботинки, несмотря на слякоть, чистые. Мама бы сказала о нем: сразу видно, приличный молодой человек.

Но Лютику, конечно, только принца на белом «Мерседесе» подавай. А к ней, Зое, даже подобные середнячки не клеятся.

Опять сейчас будет как обычно: парень обратится к подруге, та его пошлет – тем все и кончится.

Но попробовать его удержать все равно надо.

И когда парень подошел к ним, жизнерадостно произнес: «Привет, девчонки!» – Зоя приветливо кивнула:

– Здравсте.

А Лютик в своем стиле насмешливо произнесла:

– А мы что, с вами знакомы?

– Конечно, – не растерялся кадр. И охотно пояснил: – Я вождение сразу за вами сдавал.

– Ну, и как? – заинтересовалась Лютик.

– Естественно, мимо, – отмахнулся парень. И предложил: – Еще по пиву?

«Вот было бы здорово!» – пронеслось у Зои. Но вслух она ничего не успела сказать – Лютик решительно отрезала:

– No, thanks.

– Больше не лезет? – ухмыльнулся юноша.

– Мы с незнакомыми не пьем, – еще больше нахмурилась девушка.

Зоя ощутимо двинула подругу по руке и твердо произнесла:

– А я бы «трешечку» выпила, если там есть.

И с радостью заметила: парень перевел взгляд на нее. И лицо у него не поскущнело. Даже наоборот. Просиял и кинулся обратно к ларьку.

А Лютик прошипела ей в ухо:

– С ума сошла? Он же приезжий, за километр видно!

Ишь ты, принцесса на горошине... Сама из Саратова явилась, да и живет – в Мытищах...

И Зоя уверенно парировала:

– Во-первых, не факт, что приезжий. А во-вторых, я его прописывать к себе не собираюсь.

– Да у него даже на пиво не хватит! – продолжила вредничать подруга.

Однако молодой человек явился не только с двумя бутылками, но еще и закуску принес – сомнительного вида булочку с сосиской внутри. Проинформировал:

– В ларьке сказали, что *это* – пицца.

– Да вы джентльмен! – иронично протянула Лютик.

Кажется, она злилась, что пиво парнишка купил одной Зое. И с ней же заговорил:

– Тебе на пересдачу когда сказали?

– Через неделю, – откликнулась девушка. И призналась: – Только я не пойду, наверное.

– Почему? – удивился молодой человек.

– А, все равно не сдам, – отмахнулась Зоя.

– А я вот не сомневаюсь, что сдам, – со значением произнес парень. И поинтересовался: – Тебя как зовут?

– Зоя.

– А подружку твою суровую?

– Лида. Или Лютик.

– Ничего себе цветочек! – подмигнул парень. – А я – Илюха.

– И откуда же вы, Илюшенька, в наши края? – вклинилась в разговор подруга. Зоя метнула на нее укоризненный взгляд. А юноша простодушно улыбнулся и ответил: – Город-герой Рязань.

– Куда колбасные электрички ездят? – продолжала глумиться Лютик.

– Ну, колбаса у нас теперь продается свободно, – спокойно парировал парень. И без перехода добавил: – А насчет прав – вы, девочки, не волнуйтесь. Могу помочь. Если хотите, конечно.

– И каким, интересно, образом? – подняла бровь «девушка-цветок».

– О, все очень просто, – важно ответил Илья. И тоном заправского лектора спросил: – Вам тот гаишник, ну, экзаменатор, – кем показался?

– Да обычная сволочь! – мгновенно отреагировала Лютик. – Делает вид, что за безопасность движения ратует, а на самом деле просто денег ему дать надо. Много.

– Ответ неверный, – улыбнулся Илья.

– Да ладно! Мало гаишники не берут.

– Этот вообще не возьмет, – заверил молодой человек. – К нему другой подход нужен.

– И какой же? – заинтересовалась Зоя.

– Смотрите. Он – женат. Двое дочек. Супруга, я понял, мымра. Зарплата – смех...

– Это он тебе все рассказал? – с насмешкой протянула Лютик.

– Всю свою жизнь успел выложить! – похвастался парень. – Жаловался, что сердце у него больное, со службы, боится, скоро спишут. А еще он очень любит кроссворды разгадывать. Просто фанат. Всю «Союзпечать» скупает. И сам составляет – их даже несколько раз в газетах печатали.

Зоя слушала с интересом, а с лица Лютика не сходила насмешливая улыбка.

– К тому же ему страшно надоела работа – экзамены принимать. Каждый день одно и то же: ездить люди не умеют, когда не сдают – или хнычут, или пытаются денег сунуть.

– Мы уже поняли, слушатель ты прекрасный, – хмыкнула Лютик. – Только что толку? Тебя гаишник тоже прекраснейшим образом послал.

– Потому что я не сразу догадался, чем его заинтересовать, – согласился парень. И гордо добавил: – А сейчас понял.

– И чем же?

– Коммерческая тайна, – улыбнулся Илья. – Но я уверен: права у меня будут. Уже через неделю. И – абсолютно бесплатно.

Зоя неуверенно улыбнулась. А Лютик припечатала:

– Чушь!

– Как вам будет угодно, – пожал плечами парень. И опять обратился к одной Зое: – Телефончик свой оставишь?

Она еще раз взглянула на него. М-да, незавидная дичь. И вдохновенная речь парня не особенно убедила. Но, с другой стороны... чтобы хотя бы подружку устить...

И Зоя продиктовала Илье номер.

* * *

На закуску Зоя приготовила свое фирменное блюдо. Называлось оно «грибочки», хотя обходилось ввиду дороговизны без оных. Нужно было растереть яичные желтки вместе с жареным луком. Добавить немного масла (лучше сливочного, но растительное тоже сойдет). Посолить, поперчить – и заполнить фаршем аккуратно разрезанные пополам белки. Идеально – веточками петрушки украсить, однако зелени в доме не нашлось. Ничего, решила Зоя, выглядит красиво, а на вкус будет казаться, будто грибы в блюде присутствуют, давно проверено.

Готовить «суп из топора» Зою научила мама, Наталья Андреевна. Та, хотя и растила дочку одна, и зарплату у них в КБ постоянно задерживали, не унывала никогда. Постоянно повторяла: «Сейчас полоса черная, а потом будет белая...» И, пока времена были трудные, выкручивалась, как могла. Разрабатывала кулинарные рецепты на наступивший черный день: оливье делала без колбасы и даже без соленых огурцов, «красную икру» – из морковки, даже домашний соус «Анкл Бенс» – из томатной пасты с уксусом, чесноком и специями, какие найдутся.

Зоя надеялась, что Илюшке – после его общежитской-то сухомятки! – домашняя кухня, хоть и экономичная, понравится.

Она накрыла «грибочки» разорванным по шву целлофановым пакетом и взялась за основное блюдо. За осетрину. Купила рыбу с машины («Вчера еще плавала!» – уверял продавец) и рецепт в кулинарной книге отыскала эффектный: заливное, пища номенклатуры и богов. Но будет ли вкусно? Пока мороженная была, осетринка смотрелась неплохо, а оттаяла – сразу и жир стал виден, и прожилки очень подозрительные, синеватые... В какой, интересно, радиоактивной реке ее выловили?

«Ничего, – вновь подбодрила себя девушка, – в ресторане валютном с него бы кучу долларов содрали за точно такую же рыбу».

Но в ресторан ее новый знакомый не позвал – напросился в гости. («Жилищные условия твои будут оценивать», – прокомментировала ехидная Лютик).

Что ж, может, когда-нибудь пригласит. Если удастся его на крючок подцепить.

Зоя против воли улыбнулась.

Забавный он оказался, тот случайный знакомый, рязанский провинциал... Лютик права, конечно: и не красавец, и одет по-деревенски, и произношение у него – будто не из соседней области, а откуда-нибудь из-за Урала приехал. Да еще учится в Институте культуры – совсем несолидно для мужчины.

Но удивить ее на первом же свидании Илья сумел. Сначала все очень обычно шло. Три гвоздички, комплименты, коктейль в баре. Зоя попросила «заказать на свой вкус», и тот выбрал самый дешевенький (еще одно очко не в его пользу). А потом, уже совсем к вечеру, брели они по Тверской, мимо магазина «Сыр», в одночасье вдруг ставшего «Данон». Парень мотнул головой на неприлично яркую витрину, мимолетно поинтересовался:

– Пробовала уже?

– Нет еще, – честно призналась Зоя. И, словно оправдываясь, добавила: – Говорят, молочное только детям полезно. А взрослым от него один вред.

– Ну, «Данон» же ведь не молоко, – авторитетно откликнулся он. – Гораздо вкусней. И привкус, знаешь... как у жвачки клубничной.

– Зато стоит бешеных денег, – ворчливо, по-старушечьи, прокомментировала Зоя.

А Илюша очень серьезно взглянул на нее и вдруг произнес:

– Деньги-то достать можно. Только надо знать, где.

Она скептически взглянула на спутника. И протянула:

– И где же?

– Ну, например, заработать, – улыбнулся парень.

Девушка ошетибилась:

– Как? Вечером у метро торговать?

– Занятие для пенсионеров, – снисходительно произнес Илья. – Лично я другую подработку нашел. Тысяч двести за день поднимаю – как нечего делать.

– Это ж три мои стипендии! – не поверила Зоя.

– А если повезет, то и больше, – загадочно улыбнулся юноша.

«Можно туфли в „Ле Монти“ купить! И платье к лету!» – охнула про себя девушка.

В проститутки ради шмоток она, ясное дело, не пойдет. И наркотиками торговать не станет. Но все остальное – можно. И Зоя потребовала:

– Чего делать надо?

– Да очень просто все. Про «Гермес-финанс» в курсе?

– Еще бы! Только разве туда устроишься? Фирма ведь...

– Ты дослушай! – досадливо перебил парень. – У них на «Красных Воротах» офис есть. Там ваучеры меняют на акции. Но очередь надо с ночи занимать – народ со всей страны едет. А кто толпиться не хочет – акцию в обмен на свой ваучер может у «жучков» получить. У них прямо на улице столы. Курс такой же – один к одному. И, внимание: за каждый ваучер, что к ним приплыл, «деловые» по пять тысяч башляют.

– А откуда ваучеры-то брать? – не поняла Зоя.

– Здесь вся фишка! Смотри... Стоишь у метро и сечешь, что за люди выходят. Если озирается, не знает, куда идти, подкатываешь. И спрашиваешь вежливо: «Простите, вы не в „Гермес-финанс“ направляетесь?» Каждый второй, ну, или каждый третий тебе скажет, что туда. А ты предлагаешь: давайте дорогу покажу. И ведешь его к деловому. К тому, кто ваучеры на акции меняет. А он тебе потом за каждого – по пять «косых».

– Опять не поняла, – честно призналась Зоя. – Деловым-то какой интерес лишнее платить?

– А у них тоже конкуренция! – усмехнулся Илья. – Хотят побольше акций продать. Тогда премию дадут...

Зоя задумалась. Задала новый вопрос:

– Но почему бы людям самим до столиков не дойти? Получили бы и акции, и по пять тысяч сверху.

– Деньги только тем, кто *привел*, накидывают. Это называется «за клиента», – объяснил парень. И гордо добавил: – Я уже месяц там кручусь, всех знаю. Могу тебя завтра с собой взять.

Зоя с сомнением протянула:

– Да я не смогу, наверное. Характер у меня не тот, чтоб к людям на улице приставать.

– Не скажи, – возразил он. – У нас таких, как ты, тихоньких, много. С виду скромные, незаметные, а рыболовы удачливые. Потому что доверие вызывают. Поставь себя на место клиента. Несешь ты свой скромный ваучер. И подкатывает к тебе... хамло в штанах с лампасами. Говорит свысока: «Девчонка, в „Гермес“ тебя проводить?» Ты ему что ответишь?

– Спасибо, дойду сама, – улыбнулась Зоя.

– Именно! – просиял Илья. – А если вежливая, скромная девушка предложит – наверное, согласишься. Ты только попробуй! – продолжил он напирать. – Никто заставлять не будет. Не понравится – больше не придешь...

И Зоя рискнула. Ох, и намерзлась на весеннем ветру! И наслушалась разного: «Отстань!»; «А ты кто вообще?»; «Надоели уже, спекулянты проклятые!»... Но за четыре часа работы двадцать ваучеров все же пристроила. Сто тысяч рублей – не богатство, но на туфельки (давно их присмотрела, замшевые, с ярко-синими камушками) хватит.

А главное, Илюшка ей совсем с неожиданной стороны открылся. В обычной жизни – вроде заурядный, а у «Красных Ворот» – словно другой человек! Стоит так скромно, неприметно, только взглядом по толпе шарит. И вдруг коршуном срывается с места. Атакует жертву, расплывается в улыбке... а если женщина – под локоток берет... И ни один человек (Зоя наблюдала) его не послал! В худшем случае просто головой отрицательно качали. А большинство доверчиво топали за ним.

И результат у него оказался – с Зоиным не сравнить. Почти сто пятьдесят ваучеров изловил! Но не важничал, а даже будто оправдывался:

– Мне, Зоенька, повезло: директрису детдома поймал. Детишкам ведь ваучеры тоже положены! Вот она и несла их в «Гермес», аж семьдесят пять штук.

– Да уж, – улыбнулась девушка. – Ты по сравнению со мной просто миллионер.

– Пока нет, – серьезно ответил парень. И объяснил: – Я все свои деньги в «Аленку» отношу.

– Это кто такая?

– Трастовая компания. Только не очень известная. У них что хорошо: восемьсот процентов годовых дают. Но деньги можно не на год класть, как у всех, а только на месяц. То есть в любой момент сбежать успеешь.

– Куда сбежать? – снова не поняла девушка.

– Ну, в смысле деньги вынуть, как только под «Аленкой» земля загорится, – пояснил Илья. – И в другую фирму их отнести. Или для гарантии доллары купить.

Она взглянула на него с уважением.

– Ты, я смотрю, крутой...

– О чем ты говоришь? – отмахнулся Илья. – Чтоб реальные деньги делать, нужно на Старой площади сидеть.

– Слушай, а зачем ты вообще в институте учишься? – удивилась Зоя. – Тем более на каких-то «социально-культурных отношениях»? Диплом сейчас вообще не нужен. Шел бы сразу в бизнес!

– А знакомства? Связи? – парировал Илья. – Их именно в институтах завязывают. Особенно в таких, как наш, где учиться особо не надо. Все мои приятели давно кто в журналистике крутится, кто на телевидении, а кто у депутатов помощниками. И пойдут еще дальше, неизмеримо. А лет через десять, конечно, вспомнят меня, своего однокурсника.

М-да... Права Лютик: странный тип!

Однако Зоя, хотя и ценила себя не слишком высоко, знала: в людях она разбираться умеет. Смешной, нескладный Илья пусть и не слишком нравился ей, но девушка была уверена: парень не хвастает. И действительно может стать большим человеком. Согласился бы взять ее с собой – вся жизнь будет устроена.

* * *

«Интересно, почему она все-таки красная?»

Лютик хмыкнула, поднесла колбасный кружок к свету.

«Химию» в их семье она употребляла одна. Родители модный импорт не ели принципиально – после того как мама датским паштетом под названием «Мясо нежное» отравилась. Только ведь не будешь сыт одними вареными курами да безопасным, но скучным российским сыром! И Лютик, когда были деньги, обязательно пробовала все новинки, что появлялись на прилавках. Печенье, прослоенное ядовитого цвета желе. «Баунти» и прочие приторно-сладкие шоколадки. Стыдно сказать, однажды даже «Вискаса» откушала. Выпивали с друзьями-студентами, а иной закуски в доме не нашлось. Мясо, кстати, повкуснее оказалось, чем в иных баночках с паштетами.

Непонятно, почему все кругом нынешний строй клянут? Подумаешь, денег мало и колбаса красная! Зато интересно. Вон, их газетка мытищинская раньше скучнейшим, серым листочком была: сплошные интервью с ветеранами да жалобы, что автобусы редко ходят. А за каких-то полгода изменилась разительно! Репортаж из морга. Интервью с Ириной Аллегровой. Отчет с концерта в поддержку кандидата в депутаты Сергея Мавроди... И реклама появилась – а ее читать интересней, чем иную статью. Сегодня, например, учебный центр о себе объявил: подготовка по специальности «предприниматель». Обещают: всего три месяца – и добро пожаловать в большой бизнес.

Диплом от сомнительной конторы ей, конечно, без надобности. А свое дело открыть бы неплохо. Сейчас только ленивые не пытаются. Но что выбрать? Может, пончики печь и продавать, как ушлые ребята возле станций? К ним постоянно очередь стоит, хотя пончики – гадкие. Или в Турцию гонять за шмотками... Но как с институтом быть? Бросишь – родители заедят. Да и страшно. В бизнесе законы жесткие. Наверняка придется с братками «перетирать». И к противным теткам из налоговой инспекции подлизываться – цифры бесконечные, всякие дебет с кредитами для нее – темный лес.

Зойка ей в модели пойти советует. Уверяет, что денег – больше, чем честным трудом, поднять можно. Плюс никакого риска, бесплатные шмотки и вообще красивая жизнь. А внешность, уверяет преданная подруга, Лютику позволяет. Вместе ходили недавно на показ Пако Рабанна и со своего дальнего из дальних ряда в бинокль манекенщиц разглядывали. Действительно, ничего в роковых красотах особенного, только макияжа тонны. Запросто можно конкурировать!

Но только и у моделей жизнь не сахар. После того показа, когда фуршет был, внимание обратили: каждая из роковых женщин – при своем кадре. Причем спутники обрюзгшие, лысые. За попы щупают, нисколько публики не стесняясь. А начальник модельный, юноша с подведенными глазками, обращается к своим подопечным не иначе, как «мои козы». Понятно, что в шутку, но все равно обидно.

И потому Лютик решила: *собой* торговать – на крайний случай. Всегда успеет, пока что ей только двадцать два. Но найти дело – необязательно денежное, но чтоб захватило, – нужно обязательно. Эх, устроиться бы на работу, чтобы, допустим, по всему миру бесплатно ездить, а потом путеводители писать! Или, она читала, на Западе есть занятие: ходишь по дорогим магазинам, выбираешь, очень придирчиво, всякую роскошь. Покупки, естественно, оставляешь себе, и единственное, что от тебя надо, – отчет написать: вежливыми ли оказались продавцы, широк ли в магазине ассортимент...

Но мытищинские торговые точки подобных должностей в штатном расписании, увы, не имеют. В них другие забавы. Один дядя Федя, местная знаменитость, чего стоит! Является в ближайший продуктовый, как на работу. Вешает на грудь собственный портрет тридцатилетней давности и выкликает на весь магазин: «Посмотрите, каким я был в застойные времена. И вот до чего меня демократы довели...» Покупатели, естественно, в спор вступают: что перестройка здесь ни при чем, всему водка виной. Весело становится, шумно... Ну и чего ахать, как мама: «Страшное сейчас время»? Конечно, когда шапки меховые с головами сдирают – страшно. Но есть ведь и хорошее! Те же модные показы появились. А «Уолт Дисней по пятницам»? Лютик никому не признавалась, что смотрела яркие американские мультфильмы регулярно.

Но больше всего из примет нового времени ей радио нравилось. Настоящий шок испытала, когда крутила настройку, пыталась погоду на «Маяке» поймать, и вдруг услышала – очень чисто, очень объемно – настоящих «Scorpions». А за ними последовала Мадонна... Оказывается, в стране первая радиостанция в FM-диапазоне открылась. Вот бы куда попасть!

Но только в диджеи, Лютик узнавала, пробиться даже трудней, чем в модели. В стране много тех, кто в современной музыке разбирается. А надо еще шутить, не теряться и говорить не одни сплошные глупости. Учись она на мажористом журфаке, может, и были бы шансы, но студентку Института стали и сплавов никто даже прослушивать не станет...

* * *

Свидание прошло гладко. Ужинали, смотрели телек, болтали... Одно обидно: про злощастные права Илья не вспоминал. Зоя его тоже не дергала. Решила: раз молчит, значит,

ничем помочь не может. А когда знакомились возле ГАИ, просто трепался, чтоб они с Лютиком его с ходу не послали.

Ну, и ладно, она не в обиде. Да и не нужны ей, по большому счету, водительские корочки. Трехсот пятидесяти тысяч, что выложила за автошколу, конечно, жаль. Но только все равно машины у нее нет и не предвидится, практиковаться не на чем. А значит, даже небольшие навыки, что за время учебы приобрела, скоро потеряются.

Но, когда отужинали, пару раз поцеловались и уже прощались в прихожей ее квартиры, Илья вдруг изрек:

– Да, чуть не забыл. Завтра к девяти утра в ГАИ подъезжай.

– Зачем? – опешила девушка.

– Права свои получишь! Я ведь тебе обещал. Забыла?

– Нет. Думала, ты забыл, – пробормотала она.

– Я ничего не забываю. Никогда! – важно ответил Илья.

– Ты договорился с гаишниками, что ли? – просияла девушка.

– Считаю, что так.

– А мне... ездить надо будет? – робко спросила Зоя.

– Надо, – усмехнулся парень. – Но не волнуйся. Экзаменатор отнесется к тебе благосклонно.

Она сразу погрузилась:

– А как бы ни относился... Я первый же конус собью – и все, кончен бал. Только зря позориться.

– Нет, – покачал головой Илья. – Завтра у тебя будет все получаться. Сама увидишь.

– Без толку. Мне даже инструктор сказал, что я по-честному не сдам, потому что машины боюсь, – продолжала упорствовать Зоя. И напрямую спросила: – Или ты заплатил за меня? Тогда так и скажи!

– Зачем тратить деньги на то, что можно получить бесплатно? – усмехнулся парень. – Ты, главное, улыбайся побольше. И обязательно юбку надень. Чем короче, тем лучше. А еще глаза подведи и губы накрась. Мужики, особенно гаишники, ярких девушек любят. – И подмигнул: – Или ты вообще косметикой не пользуешься?

Зоя лишь плечами пожала. Буркнула:

– Рулить-то я все равно лучше не стану...

– Ох, Зойка! – Илья панибратски обнял ее за плечи. – Ну, почему ты такая в себе неуверенная?

– Просто трезво оцениваю свои возможности, – парировала девушка.

– Вот и не сомневайся! Твои возможности – велики, – заверил он. – Особенно с моей помощью.

* * *

– Ох, дочь, лучше б ты в институте так старалась! – ворчал на Лютика отец.

Папа имел право ее упрекнуть: последние две недели девушка ему покоя не давала. Вечером, после ужина, даже чаю не позволяла спокойно попить, не говоря о расслабке перед телевизором, – сразу тащила кататься. А чтобы не взбунтовался, подлизывалась, как могла: по собственной инициативе наглаживала отцовы рубашки. И даже вымыла наконец аквариум. Когда-то его покупали при условии, что Лютик будет самолично следить за порядком в рыбьем царстве, однако хобби ее увлекло ненадолго – за кормом в зоомагазин давно ходила мама, стекла позеленели, а вода пахла противней, чем в болоте. Но ради прав стоило постараться. Даже не просто ради корочки как таковой, но чтобы суметь, добиться. И уви-

деть в глазах гаишника-экзаменатора не снисходительный скепсис – искреннее восхищение: подумать только, хоть и блондинка, а как здорово водит!

Папа Лютика хвалил. Говорил, что рука у дочери твердая. И реакция отменная. Когда катались, бесстрашно глазел в окно (а если мама на водительском месте, все время сидит напряженный, в любую минуту готов перехватить руль). И Лютик почти не сомневалась: экзамен она пересдаст. Без всяких взяток. И, конечно, без помощи слизня Илюшки, который про особый подход к экзаменатору болтал. Басни для простушек.

И вообще парень ей с первого взгляда не понравился. Типичный провинциал. Гонору выше крыши, а оснований к тому – ноль. И к Зойке, ясное дело, за одним прилип: хочет охмурить бестолковую да с ее помощью за Москву зацепиться. У них в институте полно подобных типов. На приезжих девчонок не смотрят, зато столичных жительниц обхаживают по полной программе. Но Зое разве объяснишь? Она, видите ли, в новом знакомце стержень углядела. Причем не тот стержень, что в штанах, а внутреннее богатство. Что ж, личное право подруги – набивать собственные шишки. Хочется ей верить, что Илюша на блюдечке права преподнесет, пускай верит. Но только куда скорее она ему преподнесет – московскую прописку да законное право проживать в своей квартире. А потом шустрый юноша часть жилплощади оттяпает – и будет таков.

Про пересдачу в ГАИ Лютик с Зоей даже не заговаривала. Действительно, подружке просто смысла нет туда тащиться. Легче медведя научить с машиной управляться, чем ее. Зойкин удел – печь свои «пирожки из топора» да униженно просить мужа (если он у нее, конечно, когда-нибудь появится), чтоб подвез на продуктовый рынок.

И Лютик была чрезвычайно удивлена, когда, явившись в день пересдачи в ГАИ, застала там Зою. Да еще в каком виде! Подруга обычно в джинсах расхаживала, причем всегда выбирала широченные, потому что попу свою безразмерную скрыть пыталась. И косметику не признавала. А сегодня – разрядилась, будто павиан: желтая юбка выше колена и к ней, подумать только, ядовито-зеленые колготки. Да еще и тени малиновые наложила – натуральный светофор получился.

Лютик бросилась к ней, расхохоталась:

– Зойка, ты что? Решила за права натурой расплатиться?

Думала, подруга обидится, но та лишь отмахнулась:

– Ой, не говори! Полной идиоткой себя чувствую.

– Сама додумалась или кто подсказал? – продолжала веселиться Лютик.

Сама она нарядилась продуманно. Никаких юбок. В длинной – впечатления на гаишника не произведешь, а в короткой и узкой – педали нажимать неудобно. Джинсы тоже отпадали – в них, конечно, комфортно, но ведь неразумно скрывать столь явный бонус, как стройные ноги. Потому оделась в меру сдержанно, в меру эффектно – в лосины и длинный пушистый свитер. Хотя, надо признаться, окрестные мужики и на Зойку в ее светофорном наряде тоже поглядывали. Но только ж подруги не на конкурс красоты явились! Когда вождение сдаешь, мало попой крутить – еще и ездить надо уметь.

Хотя чем ближе к делу, тем больше Лютик волновалась. Да и экзаменатор – тот же, что в прошлый раз, – выглядел сегодня особенно хмурым. Народ из его машины выходил со столь кислыми лицами, что можно было и не спрашивать о результате. Сразу ясно: всех валит.

«Что Илюшка рассказывал? Жена у него – мырма? Может, в пику сыграть? – лихорадочно соображала Лютик. – Поластиться, пококетничать?»

Но когда села за руль и ослепительно улыбнулась, гаишник лишь хмуρο кивнул:

– Трогайтесь.

Девушка дрожащей рукой включила первую передачу. В последний момент вспомнила про ручник. Резко сняла автомобиль с тормоза, машина чуть не в прыжке рванулась вперед.

– Вас в автошколе не учили, что педаль сцепления нужно отпускать плавно? – брюзгливо поинтересовался экзаменатор.

Лютик не ответила. Лихо перешла на вторую. Закусив от напряжения губу, проехала «змейку». Машина истошно ревела и периодически дергалась. Но все конусы, к счастью, остались на месте.

– Yes! – не удержалась довольная собой девушка.

А гаишник сварливо буркнул:

– Двигатель совсем измучили. Давайте в «гараж».

«Гараж», Лютик еще до начала экзамена заметила, сегодня выстроили особенно узким. Девушка прикинула: с боков сантиметров по пятьдесят свободного пространства, не больше. Папина «ракушка» – и та шире.

Она снова закусил губу, вцепилась в руль.

– Не оторви, – снисходительно посоветовал экзаменатор.

Лютик промолчала. Начала осторожно протискиваться в узенький проем. А зверь-гаишник чуть не в ухо гаркнул:

– Быстрей!

От неожиданности девушка вздрогнула, вильнула рулем. Один из конусов закачался. Лютик увидела насмешливую улыбку гаишника – и уверенно вкатилась в гараж. И все конусы опять устояли!

Но в ответ на ее победный взгляд экзаменатор припечатал:

– Несимметрично.

Издевается!

– Да вы сегодня просто экзекутор какой-то! – не удержалась девушка.

Уже плевать, что выгонит, – больше выносить его придирки она не могла. Однако милицкий капитан против ожидания лишь улыбнулся. И назидательно произнес:

– А вы в курсе, милочка, что экзекутор – это чиновник, ответственный за хозяйственное обеспечение?

Ах, да, Илья ведь рассказывал: гаишник обожает кроссворды...

Девушка с вызовом произнесла:

– Мне выходить?

– Ладно, – смилостивился экзаменатор, – езжай на горку. Попробуем тронуться с ручника.

Самое сложное. Сколько с папой ни бились, она все равно немного назад скатывалась. Пусть на сантиметр, но всегда. Отец, правда, заверял, что все так ездят. Да и на светофорах много раз замечала: если дорога под уклон, все машины, когда трогаются, слегка катятся вниз.

Лютик, словно на эшафот, въехала на эстакаду. Поставила машину на ручник. Глубоко вздохнула.

– Давай, – разрешил гаишник.

Она включила первую, коснулась ногой педали газа. Машина снова рыкнула, капитан поморщился. Лютик потянулась отжать ручник – не идет. Залип намертво! Она дернула посильнее – не получается. На долю секунды отвлеклась, умоляюще взглянула на экзаменатора – и в этот момент тормоз подался. А мгновенно вдавить газ девушка не успела, и машина неумолимо покатила назад.

– Что и требовалось доказать, – подвел итог милиционер, потянувшись за ее водительской карточкой.

Даже до поездки по городу не дошло – опять она не сдала, – загрустила девушка.

И тут в окошко со стороны пассажира стукнули. Еще один мент – тот, что сидел в помещении и принимал экзамен по правилам дорожного движения.

– Митяй! – услышала Лютик. – Тебя к телефону, срочно!

– Кто? – обернулся капитан.

– Супруга.

Вредный экзаменатор скривился, будто ему лимон подсунули. Отрезал:

– Передай ей: я занят. Перезвоню.

– Сказала, тебя от Леонида Аркадьевича ищут! – не отставал второй милицейский.

И капитан вдруг изменился в лице. Отложил карточку, рассеянно велел девушке:

– Съезжай и жди. Я сейчас.

Он вышел из машины, будто кросс сдавал, помчался к зданию МРЭО.

Лютик печально съехала с эстакады и бессильно облокотилась на руль.

Не было «экзекутора» довольно долго. А когда появился – девушка его едва узнала. Сияет, глаза лучатся... Сел в машину, взглянул на нее, будто не узнавая. Пробормотал:

– Так, у нас с вами что? Площадка – или город?

Неужели обо всем забыл? Или ему в помещении сто грамм налили?

Гаишник, продолжая улыбаться, потер виски. Задумчиво проговорил:

– Ах, ну да... Гараж – на четыре с минусом. Эстакаду – завалила...

И вдруг счастливо, совсем по-детски улыбнулся и велел:

– Ладно. Повезло тебе. Важного звонка я дождался. Очень важного... Поэтому последний тебе шанс даю. Поехали в город!

* * *

Зоя просто не могла поверить. Она – сдала! Сдала на права! Хотя ездила хуже Лютика. И не сбила ни единого конуса лишь потому, что экзаменатор ей все время командовал: «Левее! Теперь выравнивай!.. Медленней, медленней, куда гонишь!» А когда до заезда в гараж дошло – схватился за руль и вкатил машину, считай, сам.

Она просто диву давалась. С чего вдруг гаишник добреньким стал?

В город, к счастью, не поехали. Капитан взял ее экзаменационный лист и строго произнес:

– Ладно, Зоя. Экзамен ты сдала. Но имей в виду: условно. Сама за рулем пока не езд. Обещаешь?

– Да у меня и машины-то нет... – пробормотала девушка.

– Все, иди. – Он вручил ей листок с заветной пометкой «СДАЛ». А когда уже выходила из машины, крикнул:

– А Илье – от меня поклон.

Значит, не наврал рязанский юноша. Действительно, организовал им права. Но как ему удалось?

И Зоя, расцеловавшись с Лютиком, тут же кинулась ему звонить.

Телефон молодой человек ей оставил. Не свой – друга-москвича. А тот, когда девушка набрала его номер с телефона-автомата, заявил, что понятия не имеет, где сейчас Илья.

– Не годится! – толкнула ее в бок Лютик. – Спроси, где поискать можно! А то я от любопытства умру.

– В институте его сегодня не было, – доложил друг. – Попробуйте глянуть в общежитие. Хотя вряд ли он там...

Однако Лютику упрямства не занимать – и прямо из ГАИ девушки отправились в общежитие Института культуры.

Местечко оказалось жуткое: потолки все в протечках, а туалеты хуже, чем в районной поликлинике. Но публика кругом шатается интересная – джинсы сплошь американские, а

пара лиц девушкам знакомыми показались. Один, кажется, певец Агутин. А второй вроде бы даже во «Взгляде» выступал...

Илья даже здесь устроился с комфортом – комната на троих, но две койки – явно нежилые. И ремонт свежий. Чаю гостям налил индийского, а на закуску уверенной рукой банку красной икры вскрыл.

Лютик, ревниво заметила Зоя, поглядывала на Илью с нескрываемым интересом. Неужели намерилась отбить? Однако юноша, к его чести, остался равнодушен к чарам подруги. И обращался в первую очередь к Зое:

– Еще бутербродик тебе намазать? От окна отсядь, а то продует...

– Да хватит тебе квохтать! – не выдержала Лютик. – Колись, давай, что ты с гаишником сделал?

– А, ты об этом... Да ничего особенного. Я всего лишь осуществил его несбыточную мечту, – снисходительно произнес молодой человек.

– Превратил жену-мымру в принцессу? – сострила Лютик.

– Нет. На «Поле чудес» его вывел, – усмехнулся Илья.

– На какое еще поле?

– Ну, игра такая. Не знаешь, что ли?

Девушка презрительно пожала плечами:

– Я подобную чушь не смотрю.

– А экзаменатор твой ни одной пятницы не пропускает. И кроссвордов туда отправил уже штук двадцать.

– Зачем?

Тут уже и Зоя в разговор вступила, цыкнула на подругу:

– Вот темная! Неужели не знаешь? Чтобы в программу попасть, надо кроссворд составить!

– Ага. Только писем они получают по десять тысяч в неделю, – кивнул Илья, – шансов вообще никаких. Но у меня в «Поле чудес» одnogруппник работает, помощником редактора. Вот я его и попросил, мол, надо одному человечку пособить. Тот отказать мне не смог. Ну и позвали нашего капитана на собеседование... Как раз сегодня. Мы с ним так сговорились: я ему – «Поле чудес», а он нам – права. Мне, кстати, даже без экзамена обещал.

– А в игру-то его возьмут? – с придыханием произнесла Зоя.

– Чего не знаю, того не знаю, – признался Илья. – Сначала собеседование с редактором будет, потом – с самим Якубовичем. Но вождение-то вы уже сдали!

– Как просто... – пробормотала Зоя.

– Как пошло, – хмыкнула Лютик.

– На тебя не угодишь, – обиделся Илья.

А Зоя просветленно взглянула на молодого человека. Горячо произнесла:

– Какой ты молодец!

Лютик же мгновенно добавила – с интонацией тетюшки из знаменитого рекламного ролика «МММ»:

– Какой ты умный, это что-то!

Илья же деловито произнес:

– Теперь осталось только машину купить. Ну, ничего, тоже справимся.

* * *

Неделю спустя

Выбить Лютика из колеи – задача не из легких, все знали. Она даже перед экзаменами была спокойна, почти как удав, и не понимала, почему остальные трясутся. Чем рискуешь? Подумаешь, пара. Всегда можно пересдать.

Но сегодня волновалась неприкрыто. Потому что не на дурацкий экзамен шла – за мечтой! За давней!

Девушка отправлялась на собеседование – подумать только! – на радиостанцию! Не на вожаемую «Европу-плюс», правда, но «Рок-волна» – тоже неплохо. Открылась недавно, но уже добралась до третьего места в рейтинге. Вещает в диапазоне FM, подбор музыки правильный...

И опять Илья помог. Сообщил: студия ищет девушку на вакансию «помощник директора программ». До чего солидно звучит! Сразу начинаешь рисовать в уме перспективы карьерного роста: сначала помощник, потом – заместитель, дальше – директор программ... А это, между прочим, фигура. Человек, который всю музыкальную политику радиостанции определяет. И, разумеется, сам, если желает, может выходить в эфир с любыми программами и в любое время.

О конкурсе на заманчивую должность Илья узнал случайно. Один человечек шепнул другому, тот передал – вот и до рязанского гения дошло. А тот, естественно, сразу про Лютика и ее мечту вспомнил.

Предложи Илья подобное неделю назад – девушка бы посмеялась. Но нынче, после неприкрытого триумфа в ГАИ, к словам прыткого юноши следовало отнестись серьезно. Хотя Лютик по-прежнему считала: Илюшка – ужасный. Некрасивый, скучный. Да еще и нормально говорить не умеет – все время изрекает, будто профессор с кафедры. Но, если помог с правами, может, и с радио получится?

– Смотри, Лютик, вакансия горячая, – напутствовал девушку Илья. – Появилась буквально вчера, и кандидатов еще не смотрели. А когда «Рок-волна» о ней официально объявит – будет поздно. Завлекалки на всех журфаках развешат – и тебе ничего не светит, наверняка кого-нибудь с профильным образованием предпочтут. Так что шанс единственный. Очаруй директора с ходу. Подави. Убеди, что лучше тебя никого и быть не может!

– И каким, интересно, образом? – хмыкнула девушка. – В постель к нему прыгнуть?

Но Илюша лишь плечами пожал. Снисходительно отвечал:

– Скучно мыслите, девушка. Постельные секретарши из моды уже год назад вышли. Надо профессионализмом брать.

– А где ж я его возьму, профессионализм? – усмехнулась Лютик. – Я даже в музыкалке никогда не училась.

– Для твоей должности это лишнее, – заверил Илья. – Задача, я понял, такая: шеф новые программы придумывает, а ты ему помогаешь процесс организовывать. Что-то вроде очень квалифицированной секретарши.

– Можно подумать, я в секретарши гожусь, – вздохнула девушка. – Компьютера не знаю, факса – в глаза не видела. Даже печатать не умею.

– Так ты другим бери! – хохотнул молодой человек. – УТП себе придумай!

– Чего-чего?

– Уникальное торговое предложение, темнота! Допустим, ты в институтском ансамбле играешь, хоть на барабане. И во всех музыкальных тенденциях – дока. Или у вас в Мытищах на радио программу вела. Когда-нибудь давно, еще при социализме. Чтоб он проверить точно не смог.

– Но я сроду ничего подобного не делала!

– Можно подумать, я гаишников в «Поле чудес» каждый день устраивал, – парировал молодой человек. – Но получилось ведь! Вот и ты: твори, выдумывай, пробуй!

– Я боюсь, – покачала головой Лютик.

– Чего боишься? Саму себя? Сейчас столько новых профессий появилось, за какой-то год! На товарно-сырьевой бирже только ленивый не торгует. А думаешь, кто-нибудь на брокера учился? Да и диджеи, твоя мечта, – тоже все самозванцы, образование – десять классов от силы. «Кисс» от «Металлики» отличают – и уже специалистами себя мнят. Просто держись как можно увереннее. И, главное, докажи директору, что на работе будешь гореть. Идеями фонтанировать. Есть у тебя идеи?

– Ну...

– Баранки гну! – рассердился Илья. – На собеседовании бекать начнешь – тебя и слушать не станут. «Интриганку» Сидни Шелдона читала?

– Делать мне больше нечего, женские романы читать!

– И очень зря. Интересно. А главное – полезно.

– Странный ты, Илья, – усмехнулась девушка. – Первый раз вижу, чтоб в романах пользу искали.

Думала в тупик поставить, но рязанский юноша мгновенно парировал:

– В советских – пользы никакой и не было, одна пропаганда. И герои все тоскливые до зубной боли. А Кэйт Блэкуэлл из «Интриганки», к твоему сведению, – новый тип человека. Никогда не теряется, никого не боится. И в себе уверена железобетонно. Потому и добивается своего. Вот и поучись у нее!

Гениальное напутствие, ничего не скажешь...

Офис «Рок-волны» располагался возле метро «Коломенская». Огромное, унылое здание, бывший НИИ. Кульманов здесь, похоже, не осталось – сплошные новые фирмы и фирмочки, еще одно доказательство безвозвратной гибели прежних ценностей. Народ выходил из дверей все больше модный, в себе уверенный. Сigaretами пахло хорошими. А среди машин на стоянке даже несколько иномарок стояло. Один вахтер остался замшелым, настоящий обмылок социализма. Потребовал сначала пропуск у Лютика, потом заявку, затем долго, чуть не под лупой, изучал паспорт, кому-то звонил... Наконец за ней спустились – девица ее лет, в туфельках на огромных, шатких каблуках. Оглушительно цокая по гулким коридорам, та повела за собой. Держалась дружески. По пути показывала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.